

ПАВЕЛ ШУШКАНОВ

ВРЕМЯ ДОЖДЕЙ

КОГДА ТВОЙ МИР
ДИАМЕТРОМ В ТРИДЦАТЬ
КИЛОМЕТРОВ...

Павел Шушканов

Время дождей

«Издательские решения»

Шушканов П.

Время дождей / П. Шушканов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-987416-0

Этот мир очень мал. Одинокий и хрупкий, он потерян в глубинах Великого Ничто под единственной звездой. Так было не всегда, но никто уже не помнит, как было раньше. Тут каждый дом — целое государство, каждое озеро — океан, а небольшой клочок земли — семейная ценность. Но однажды размеренная жизнь двух сотен его обитателей меняется, когда с севера приходит холод, а в лесах вновь появляются те, о ком не принято вспоминать.

ISBN 978-5-44-987416-0

© Шушканов П.
© Издательские решения

Содержание

1.Заброшенный дом	6
2. Когда приходит дождь	31
3.Часовщик	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Время дождей

Павел Шушканов

© Павел Шушканов, 2022

ISBN 978-5-4498-7416-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1.Заброшенный дом

Жаркое декабрьское солнце светило в оба окна класса начальной школы, играя бликами на некогда лакированных, но уже изрядно потертых столах, покрытых сеткой мелких трещин, и одноглазых очках учителя Арчера, в спешке забытых им на дубовом столе. Бен смотрел на прозрачное стеклышко, положив голову на край стола и склонив ее. Через очки класс казался мутным и каким – то выпуклым. По краю стола лениво полз жук, иногда замирая в солнечном блике, будто чуя опасность. В отличие от Бена, жук не боялся учителя, и смело потрогал очки тонкой лапкой. Бену даже показалось, что он наступил на них.

– Наглый невоспитанный жук, – тихо сказал Бен, – сейчас придет учитель и накажет тебя.

Но Арчер все не шел, и жук безнаказанно устроился на дужке его очков. Зато Бен был наказан уже час и сидел в пустом, залитом солнцем классе, поглядывая на неспешно тикающие часы. Похоже было, что учитель просто забыл про него. Он был уже немолод, да и в прежние годы не отличался хорошей памятью.

В классе было восемь столов, и девятый, учительский, стоял напротив. Бен успел изучить тут всё, даже маленьких головастика в банке на подоконнике. В этом классе учились те, кому было уже за десять лет, но еще не исполнилось четырнадцати, как и самому Бену. На стенах были развешаны выцветшие плакаты, в двух шкафах у двери стояли несколько книг и баночки с замурованными зверьками, из которых Бен знал только пупырчатую жабу. Книги блестели новыми кожаными корешками (учитель Арчер лично обновлял переплеты каждый год): «Почвоведение», «Замеры и межевание», «Посев злаковых», «История и география Мира». Особенно скучной была тоненькая книжка над самым потолком – «Грамматика и числа». Некоторые хранили следы от пальцев и хлебные крошки между страниц после недавнего урока, кроме ненавистой «Грамматики», которой отводился не менее ненавистный четверг. Жаба безучастно смотрела на эту скромную библиотеку мутным глазом, а вторым уставилась на Бена, внимательно, словно осуждающе.

Над доской, как символ послеобеденного наказания, висела карта мира – почти ровный овал с отсутствующим, словно откушенным, куском в правой верхней части. В центре, занимая почти десятую часть карты, темнели кубики Ферм и раздвоенное у центра и сильно вытянутое с востока на запад озеро без названия, закругляющееся к югу и превращающееся в тонкую нитку на северо – восточных границах ферм и теряющееся в сплошном белом пятне на западе, а ниже жирнел чернильный потек, оставленный Беном около трех часов назад на пожелтевшей от времени шершавой бумаге. Теперь он сидел и искренне сожалел, следя за стрелками медлительных часов.

Тук!

Мелкий камешек ударил в стекло, не оставив следа.

– Бен! Эй, Бен!

Громкий шепот раздавался из ближайших кустов.

Через мгновение оттуда показалась косматая голова.

Бен перегнулся через подоконник и забрал из худых пальцев протянутое ему яблоко.

– Спасибо, Ру, а ты что тут делаешь?

– Я за тобой. Учитель Арчер должно быть уснул у себя в каморке. Пошли домой. Но по пути зайдем кое-куда.

Бен окинул взглядом унылый класс.

– Нет. Я подожду. Проблемы будут. Думаю, учитель Арчер не обрадуется, если проснется и не обнаружит меня здесь. Еще, чего доброго, скажет родителям.

– Да перестань, он и не вспомнит завтра. Идем!

«Сомневаюсь», – подумал Бен. Карта предательски зияла своей кляксой над учительской доской, а совесть неприятно грызла где-то внутри, в области желудка. Часы подсказывали, что дома скоро ожидается ужин, а кислое яблоко Руперта только разожгло аппетит. К тому же, учитель действительно мог уснуть. Совесть перевернулась и заурчала на весь пустой класс.

– Ну, ты идешь? – подстрекал из кустов лохматый мальчишка в длинных шортах и рубашке неопределенного цвета.

Бен взобрался на подоконник и в последний раз с надеждой посмотрел на дверь. Вниз полетела увесистая школьная сумка, а затем и его босые пятки коснулись земли. Он оказался почти на полголовы выше Руперта.

– Бежим! – пятки Ру (только Бену позволялось безнаказанно так звать его, за исключением пары дней в году, к которым относился и его день рождения и день семьи Кимберли) перемахнули через низкий кустарник и побежали вдоль ограды по пыльной дороге, петляя между частых, но неглубоких выбоин.

– Подожди меня!

Бен старался успеть, но догнать мелкого шустрого мальчишку из всех живущих на Фермах могла, пожалуй, лишь его мама. Мама Руперта, конечно, не Бена.

– Ру, стой!

Они бежали по пустой улице в тени деревьев, отделивших дорогу от низких построек рынка, впрочем, сейчас пустого. Дорога вела от самой школы до здания Совета из красного кирпича на север и фактически разделяла восточные фермы от западных двумя почти равными частями. А в середине располагался рынок и роща, в которой можно было отдышаться и даже найти приключения на остаток дня. Тут был маленький ручей, текущий на север и заросли дикого орешника.

– Слышал про Ллойда Ганн? Он выкупался в озере на прошлой неделе, а сейчас у него страшный насморк, и ему запретили ходить в школу целых пять дней. Счастливчик Ганн! Может, тоже пойдем на озеро?

– Боюсь, тебя мама заставит все пять дней пить горячий луковый отвар с гусиным жиром. Руперт на секунду задумался.

– Это верно. Ладно, ну его это озеро. Тогда сразу за мной. Бежим, пока нас мама не увидела. Она как раз должна возвращаться от Корвинов, а ты сам знаешь, какое замечательное у нее зрение, особенно на меня.

Они побежали дальше, вверх по склону холма, на который взбиралась глинистая дорога, а спускалась вниз уже неаккуратной брусчаткой. Отсюда был виден весь центр и низкие ограды западных и восточных ферм, и даже далекий лес на севере. Вечернее солнце пекло им макушки, а под ногами гулко стучала сухая глина.

Бен прокручивал в голове события прошедшего дня отчасти затем, чтобы оправдать свой глупый поступок, но дерзкий побег от наказания учителя не давал покоя. Впрочем, сожалеть было уже поздно.

* * *

А еще пять часов назад он ковырял ногтем крышку стола и слушал монотонный голос учителя Арчера, иногда переходящий в хриплый кашель. В открытое окно врывалась дневная прохлада. Учитель склонился над столом и был похож на серого ворона в пиджаке. За это, ученики прозвали его Грач. Точнее, не совсем за это – несколько лет назад на ферме Корвинов в овине поселился настоящий дикий ворон, который никак не хотел улетать. Посмотреть на него вечерами сбегалась половина Ферм и не только детей, но и любопытных постарше. Ворон был черный как смола и его прозвали Грачом с легкой руки какого – то зеваки. А позже

мы заметили удивительное сходство птицы с нашим учителем. Смеялись над этим тихо и добродушно – учителя Арчера все уважали, а лесного ворона любили.

Над очками учителя торчал чуб, черный на абсолютно седой голове. Периодически он опуская большой нос в платок и громко сморкался, а затем продолжал:

– Конфедерация Ферм была образована во втором году БО и изначально состояла из семи фермерских хозяйств. Основателями считаются семейства Корвин, Линквуд и Ганн, составившие Земельное соглашение, к которому в последствии присоединились семейства..., – Арчер перешел на невнятное бормотание, окончившееся кашлем, – ...и Кимберли. С тех пор двенадцатое ноября считается днем основания Конфедерации и празднуется ежегодно. Еще две фермы присоединились к Конфедерации до конца года, двадцать четвертого и тридцатого ноября соответственно. Сейчас Конфедерация насчитывает двенадцать ферм, принадлежащих тринадцати семействам. Господин Кимберли, скажите мне, какие семьи ведут общее хозяйство на одной ферме!

Руперт вскочил, смахнув со стола бумажный самолетик.

– Эмм... простите, учитель?

– Что вы там делаете, господин Кимберли? Надеюсь, не портите бумагу. Если так, то в этом месяце больше не получите ни листка и будете писать на собственной ладони, господин Кимберли! – Арчер перешел на крик. В классе стало тихо, и только робкая тонкая ручка тянулась из-за плеча Руперта.

– Да, госпожа Линквуд, мы слушаем вас.

Девочка лет одиннадцати в желтом платье встала, и ее волосы почти такого же цвета растрепались по плечам. Бен заметил, что впервые видит ее с распущенными волосами, хотя она, обычно, собирала их в косички с вплетенными в них цветными лентами. Изредка ее голову украшали живые цветочки, аккуратно вставленные в красивую и сложную прическу, которые не носил больше никто из девочек в школе, да и во всей Конфедерации, пожалуй.

– Учитель Арчер, Руперт хотел сказать, что семьи Колин и Фокс живут на одной ферме за рекой. Их день семьи празднуется в один день с днем основания. Мы ходим к ним в гости и едим яблочный пирог.

– Спасибо, Кристи. А вам должно быть стыдно, Руперт, вы с семьями Колин и Фокс дальние родственники! Садитесь!

Руперт сел на стол, уронив голову на локти, его веснушчатый нос сердито морщился.

– Тоже мне, – пробубнил он, – задал вопрос. Сам-то из семьи Фокс.

Кристи показала ему язык, но он не заметил, заметил Бен и засмеялся. Громче чем следовало.

Арчер гневно поправил очки.

– Вы что-то хотели, господин Китс?

Бен поднялся и показал пальцем на северную часть карты.

– Я хотел добавить, что ферма Колин – Фокс слишком велика и две ее границы не определены, поэтому семьи ведут хозяйство вместе. Когда-то фермы Колин и Фокс были самостоятельными, причем ферма Колин была втрое...

– Довольно, господин Китс! Спасибо.

Десять тихих смешков прорезали тишину класса. К большому облегчению всех, включая учителя, староста школы прозвенел медным колокольчиком. Закончился урок по истории и учитель Арчер, задав на дом доклад по генеалогии семьи Фокс, покинул класс.

– Кристи, ты страшная зазнайка! – выкрикнул Ру на весь класс, едва учитель скрылся за дверью. Он свесился с подоконника и громко дышал еще утренним прохладным воздухом. Бен сидел рядом и жевал яблоко.

Класс наполнился привычной суетой. Кто-то из младших задел Ру плечом, тот ответил дружеским пинком и завязалась легкая потасовка. Старший сын Корвинов пытался в этом

гаме договориться с Ру об игре в стрит (странную азартную игру местных мальчишек с цветными стеклышками) на следующей неделе. То место, где сидела Кристи, наполнилось разноцветными девчонками и их непонятным хихиканьем. Одна из них, веснушчатая Лиза Колин сидела прямо на парте и качала ногами, изредка поглядывая на Бена.

Бен отвернулся к окну.

Окна школы выходили на юг и отсюда можно было видеть извилистую тропинку, уходящую вперед насколько хватало глаз к самым границам ферм. Далеко на юге дымили трубы почти не различимых мануфактур, а еще дальше скрывался в тумане гребень Зубчатых холмов. По тропинке, зажав подмышкой портфель торопливо убегал учитель Арчер, надеясь успеть пообедать на ферме Линквудов до начала следующего урока. Бен вспомнил, как его маленьким брали с собой родители в поместье Линквуд на день урожая. Но Линквуды ничего не сажали на своих обширных полях, они занимались скотоводством и их бесчисленные стада бродили по пастбищам с востока на запад, поедая сочную траву. Иногда старшие братья отгораживали часть своей фермы и давали траве как следует вырасти. Их длинное, похожее на очень вытянутый прямоугольник, поместье было изрезано ограждениями, а в центре поля был даже маленький пруд для домашней птицы. В тот год Бен впервые увидел лошадь и очень испугался. Отец засмеялся и поднял его на руки. Он сказал, что лошади совсем не страшные, если они живут на пастбищах и не убегают на границу ферм, но Бен подозрительно смотрел на огромные белые зубы и вжимался в плечо отца изо всех сил.

– Бен, ты что уснул? Иди лучше сюда, посмотри, господин Арчер забыл свои карты. Они цветные, посмотри только.

Бен кинул огрызок в окно и подошел к столу, на котором уже орудовал Ру. Там лежала подшивка географических карт для старшего класса. Всем было известно, что учитель рисовал карты сам и делал это довольно искусно. Как учителю ему выдавали целых тридцать листов бумаги в год, вместо положенных десяти и большую часть из них он тратил на рисование карт и какие-то свои, только ему понятные заметки. Новые карты он приносил каждый год и раз в два месяца реставрировал старые, но никто никогда не видел у него цветных карт. Обычно это были черно-серые, украшенные красивым почерком схемы на желтоватых листах, но здесь бумага была почти белой, а карты, вместо обычных пояснений, украшали целые комментарии с цифрами и рисунками. Бен хотел заметить, что нехорошо копать на столе учителя, но оторваться уже не мог.

– Как думаешь, что это? – спросил Ру, осторожно царапнув краску ногтем.

– Должно быть, заказывает на мануфактурах, – предположил Бен.

– Дорогая, значит, штука. Для старшего класса. Везет же брату.

Брат Руперта Рик учился в старшем классе и был одним из трех его братьев, согласившимся продолжить учебу в старших классах. Остальные предпочли работу в поле, пока самый старший – Майкл не сбежал на мануфактуру. С этого времени Рику пришлось частенько пропускать занятия – ферма Кимберли была большой.

Ру осторожно перевернул цветной лист. Следующий был еще красочнее, но уже почти без пометок. Там была тщательно прорисована южная граница, а кубики мануфактур выделялись тенями и смотрелись очень красиво. Редкие изумрудные пятна лесов покрывали склоны самого крупного холма, для которого никто так и не придумал названия. Крохотная ручка легла как раз между безымянным холмом и медными рудниками.

Ру поднял глаза. Кристи немедленно сложила ручки на груди и сердито смотрела исподлобья.

– Я расскажу учителю! – пригрозила она.

– Сгинь, мелочь, – огрызнулся Ру. Но она больно стукнула его в бок и даже попыталась пнуть по ноге, и никуда не уходила.

– Бен, скажи ей!

Бен вздохнул, нагнулся, поскольку она была почти на голову ниже. Кристи все еще дула губы, но в уголках ее глаз уже сложились тоненькие морщинки, какие бывают у взрослых, когда они смеются.

– Кристи, мы просто посмотрим картинки, хорошо? Мы их не испортим, я обещаю тебе. Если учитель узнает, мы попросим прощения. Я попрошу. Хорошо?

Кристи промолчала. Её щеки были розовыми. Для подкрепления авторитета Бен дал ей запасное яблоко. Подумав немного, она отошла к окну и громко захрустела приобретенным фруктом.

– Молодчина, Бен, – похвалил Ру, – посмотри вот сюда. Тут видны даже наши дома. Но вот тут кое-что совсем интересное.

– Эй, Ру, что там? – сын Корвинов отвлекся от разминочной игры с Эдом Ганн на подоконнике, где вместо настоящих игровых стекол – глянцев – использовались цветные камешки, и направился к столу. Ру мгновенно оказался между столом учителя и любопытным Корвином и выставил грудь колесом. Он был на голову ниже, но из его глаз, казалось, сыпались искры.

– Не твоего ума дело, Корвин. Учись кидать камушки, пока не отыграешься!

Корвин еще постоял секунду, потом шагнул назад.

– Чего ты, я же просто спросил, – обижено промямлил Корвин.

Девчонки в углу снова захихикали, кроме Кристи, экономично дожевывающей огрызок яблока.

– Вот – вот и иди к дружочку своему, – Ру брезгливо кивнул на Эда.

С видом победившего в хлебной битве воробья он вернулся к Бену.

– Отгоняй всех, особенно девчонок, – предупредил он, – и посмотри вот сюда!

Бен взглянул на следующий, тоже цветной, лист и не поверил глазам. Казалось, что на знакомой местности все перепутано. То есть все оставалось на местах, но было немного не таким. Небольшое южное озеро исчезло, мануфактуры немного сжались и отодвинулись от холмов, но интереснее всего были фермы. Фермы Колин – Фокс разделяла жирная косая полоса и верхняя, большая, часть была окрашена в фиолетовый цвет. На ней было написано «Колин». Маленькая желтая территория «Фокс» жалась к берегу центрального озера и более узкой, чем ей положено дороге. Ферма Ганн была идеальным прямоугольником с урезанным углом, без того языка к воде, который значился на официальных (черно – белых) картах.

– Эд, я знал, что вы воры, – крикнул Ру в класс. Раздались смешки. Мальчик в черном свитере свирепо засопел носом.

Дальше на восток карта была уже совсем не узнаваемой. В том месте, где сейчас сходились границы четырех земель, в том числе поместий Ганн и Линквудов пурпуром был нарисован косой ромб с жирной точкой усадьбы на северо-западе. В центре значилось уже совсем невероятное – Ферма Клаус. Сверху карты значилось «Нулевой год».

Мальчишки замерли, глядя друг на друга. Насколько было известно, никто и никогда из трех учителей школы не преподавал историю ранее начала основания Конфедерации ферм. Все, что было ранее, мало волновало любого из жителей поместий, особенно в минутных промежутках между вспашкой земли и ремонтом техники и построек. И уж точно этого не преподавали в старшем классе, где большая часть уроков была посвящена земледелию, замерам и архитектуре. К тому же, за окном благополучно шел сорок девятый год Б.О.

– Бен, ты понимаешь, что мы нашли?

Если ферма Клаус и существовала, располагалась она на тех землях, которые сейчас принадлежали целым четырем семьям. Невозможно было предположить, что в какой-то миг исчезло целое (судя по карте немаленькое) семейство, ни оставив после себя ничего, кроме пурпурного ромба на старой карте учителя. Семьи всегда казались Бену чем-то незыблемым и вечным, и даже собственная маленькая семья, в которой кроме него самого больше не было детей, представлялась ему вековым монолитом, богатства которого должны сохраняться и мно-

житься в тех же границах. И вдруг оказалось, что фамилия может просто исчезнуть, а земля быть разделенной между соседями...

– Стой, а что, если это просто выдумка господина Арчера?

Ру пожал плечами. Эта мысль казалась ему еще более нелепой. Учитель был очень занятым человеком и даже как все работал на земле в свободное от занятий время.

– Бен, подумай, это пропавшая ферма. Это находка на миллион.

Ру не знал, что такое миллион, но всегда так говорил, вероятно, услышал новое слово от взрослых. Он аккуратно закрыл цветные карты и разровнял все предметы на столе учителя Арчера.

– И если она существовала в самом деле, то ее дом должен находиться...

– Здесь! – Бен ткнул пером в серую карту над доской. Предательский потек заскользил по желтоватой бумаге. Через несколько минут в дверях появится господин Арчер и почему-то сразу посмотрит на стол на забытую папку, а затем на карту над доской.

А потом Бен будет разглядывать жука, ползущего по очкам учителя, пока не услышит голос Ру за окном.

* * *

Вечер дышал зноем и пылью. Руперт и Бен все дальше убегали от школы. Бена все еще переживал и за не отбытое наказание, и за испорченную карту учителя, но больше всего за невыполненное обещание помочь отцу с ремонтом крыши после школьных уроков. Ру не очень беспокоился о таких мелочах.

За городским амбаром, между стеной и забором фермы уже толпилось четверо ребят. Один из них в желтых шортах тряс в сложенных ладонях глясы – неизменную валюту всех мальчишек западных и восточных ферм. К его воротнику был прикреплен крупный кусочек стекла синего цвета почти треугольной формы – счастливый гляс и одновременно символ чемпиона. Только лидеры недели имели право носить любимые глясы на одежде, торопливо прикрывая их рукой при приближении старших. Остальные же прятали свои игровые стекла и маскировочно играли в нижний футбол после школы, пока один из лидеров не объявит место и время игры.

– Долго ходишь Руперт. Глянь и Бена с собой притащил. Он все равно не играет.

– Я ненадолго, – сказал Бен.

Парнишка в шортах смерил его оценивающим взглядом. Перед ним лежала кучка глясов – небольших цветных стеклышек. Ценились глясы отшлифованные, которые уже не могли порезать пальцы. Раньше их – еще острые осколки – пытались закапывать в песок на берегу озера, чтобы вода сточила острые края. Но это было очень рискованно – большая часть пропадала на дне навсегда, другие же могли достаться любителям погулять по берегу в свободное время. К тому же, как оказалось, шлифовка глясов водой – более длительный процесс, чем думали десятилетние мальчишки. Потому сейчас глясы шлифовали вручную плоскими камнями, ранив руки и предвкушая зависть одноклассников. Говорили, что однажды Ллойд Ганн соорудил у себя в сарае целую шлифовальную машину – вращающуюся канистру с речным песком и поставил производство глясов на поток, пока отец не добрался до него и машины. Конечно, это было не более чем легендой, по крайней мере, Бен сомневался в эффективности подобного изобретения, а вот большинство его сверстников охотно верили и завидовали сообразительности Ллойда Ганн.

И все же самые ценные были глясы отшлифованные водой. Их иногда находили на берегу, неизвестно когда и кем брошенные в воду, может десяток лет назад, а может и просто случайно оказавшиеся в озере. Они передавались от старших братьев младшим и хранились в специаль-

ном мешочке на поясе, где взрослые хранят медные и бронзовые монеты. У Бена их никогда не было, как не было и старших братьев.

Ру присел на корточки перед остальными и выложил на землю свои сокровища – четыре цветных стеклышка. Одно никуда не годилось – его угол был все еще острым (видимо Ру не очень усердно отнесся к работе).

– Руперт ставит три! – объявил парень в шортах.

– Ничего подобного! Два. Потом еще два.

Они начали странную сложную игру, в которой поставленные глясы отдавались арбитру. Тот тряс их и бросал на землю. Владелец ближайшего к ноге арбитра гляса начинал игру – выбор стеклышек через дальние «ворота», образованные другими глясами, но шириной не более длины указательного пальца арбитра. Выбитые глясы трижды подкидывались на переворачиваемой ладони и оставшиеся считались добычей игрока. Игра называлась «стрит» и в ней было огромное количество правил, в которых Бен даже не пытался разобраться, но основные условия игры знал – выучил, сопровождая Ру по всевозможным турнирам и «дружеским» матчам. А еще он знал, что за участие в этой игре (будучи застуканным кем – то, из взрослых) можно угодить на неделю домашнего ареста с работой в поле, а глясы отправятся на дно городского колодца, у которого, как говорят, нет никакого дна.

– Эй, да это мой гляс был! Ты посмотри, видишь краешек сколот! Я начинаю.

– Ах сколот! Тогда ставь другой...

– ...у тебя палец длиннее, ты левой бьешь...

– Не верьте ему, он вообще левша!

– Три ставлю!

Игра шла своим ходом. Часовой стоял на углу амбара и просматривал улицу в оба направления на предмет взрослых. Не играющего Бена быть часовым не просили – ему не верили.

Солнце большим красным шаром катилось к горизонту и уже почти касалось ограды западных ферм. Он позвал Ру, но тот не откликнулся, увлеченный игрой. Они уже давно сняли рубашки, подставив солнцу загорелые спины и стучали пальцами по земле, от чего уже поднялось облачко пыли.

– Ставь еще!

– ...не растягивай пальцы. Это не по правилам!

– Замена арбитра!

Ру подошел через четверть часа. Натягивая рубашку. Его лицо было злым.

– Есть глясы? – хрипло спросил он.

– И не было никогда. Может, пойдем отсюда? Я отцу обещал...

– Пожалуй. Мне нужна машина как у Ллойда Ганн. Тут по-честному нельзя. Они пальцы растягивают. Понимаешь? Да ничего ты не понимаешь.

Парнишка в шортах тряс стекляшки и злорадно улыбался. Кучка у его коленок заметно выросла. Ру едва не наступил на него, проходя мимо. Нечаянно, конечно. У выхода на улицу их пропустил часовой и осмотрел улицу в оба конца.

– Ничего, завтра еще повезет. Не все сразу. Ночью попилю пару стекляшек маминой пилкой для ногтей.

Бен ужаснулся, представив, как Ру поймает за этим занятием.

– Может кирпичом?

– Нет, долго.

У края амбара стоял Ллойд Ганн. Он не выглядел больным после купания и даже прибавил ширины в плечах после маминого лечения. На нем был черный тонкий свитер, явно узковатый для не по годам широкой спины. Он медленно сжимал и разжимал кулаки и явно не намеревался делиться чертежами машины для производства глясов.

– Назвал моего брата вором, Руп?

Ру вздохнул и отлетел к стене амбара. Через секунду Бен последовал за ним, не найдя на теле Ганна уязвимых мест.

* * *

«Дин-дон» – пробили старые напольные часы, но спать совсем не хотелось. Бен стоял на балконе и смотрел, как сияет в небе единственная звезда. По полям полз туман, и становилось прохладно. Пришел отец и набросил на его плечи плед.

– Не спится? – спросил он.

– Думаю про господина Арчера. Испортил его карту, над которой он старался наверно не один день. И сбежал...

Отец промолчал. Бен не ждал, что он будет ругаться, но и слов утешения тоже не ждал. Отец редко ругался в принципе и никогда на Бена, что всегда пугало его. А особенно пугало молчание, за которым могло скрываться все что угодно. Но отец не уходил с балкона, и это было важно. Они смотрели на звезду.

Их поместье располагалось к северу от озера, и южная его граница проходила по песчаному берегу. Озеро медленно перекачивало свои воды от берега к берегу и где-то в его глубине плескалась рыба. А на противоположном берегу горели огоньки фермы Ганн – два факела перемещались вдоль берега, сходясь и расходясь снова. В их поместье уже погас свет, а в доме безземельных еще горело одно окно. Видимо дежурные готовили смену караула. А дальше во все концы стояла непроглядная ночь.

– Папа, а ты помнишь основание?

Отец засмеялся и потрепал его по коротким волосам.

– Конечно, нет. Это было слишком давно, даже ваш учитель Арчер не помнит.

– А фермы всегда были такими как сейчас?

– Ты о чем, сын?

– Я о границах ферм, – осторожно начал Бен, – они всегда были неизменны, с самого основания?

На некоторое время воцарилась тишина, отец возился с трубкой, и наконец задымил сладковатым табаком.

– Нет. Восемь лет назад мы уступили полосу земли в три метра на противоположном берегу озера нашим южным соседям за двадцать мешков зерна и пятьдесят куриных тушек. У нас был голод – я болел, а ты был совсем маленький, и дядя Глен тогда не жил с нами, а работал на мануфактурах. Это было очень неприятно, но необходимо. Иногда нужно жертвовать жизнью ради семьи, а иногда даже землей. Иногда мы меняем границы, но перед этим проводим долгие переговоры, а еще нужно одобрение Совета...

Бен кивнул, но в темноте это не было видно. Он спрашивал совсем не о том, но отец не понял. Или сделал вид, что не понял.

– Пап, а семей всегда было только тринадцать?

– Владеющих землей? Четырнадцать. Ты забыл о неприсоединившейся ферме. Но еще есть семьи, не имеющие своей фамилии и земли, как безземельные рабочие ферм Ганн, Линквуд, Корвин и Ли. Даже учитель Арчер из числа безземельных, хоть и живет с семьями Колин и Фокс. Понимаешь, в годы Основания только крупные семьи могли позволить себе обрабатывать землю и кормить остальных, а семьям поменьше, или совсем одиноким, пришлось довольствоваться участью жить в домах крупных семей – основателей и работать на их земле. На самом деле, это не так уж и плохо.

– А владеющих землей? Их не было больше?

В темноте горел огонек трубки, то ярче, то тусклее. Отец долго молчал, а затем произнес, словно забыв вопрос Бена:

– Послушай, Бен, посмотри на юг. Что ты видишь?

– Темно.

– Нет, там люди, наши соседи. Ты их не любишь. Никто не любит. А что на западе? Тоже наши соседи. И южнее тоже наши соседи, фермы с которыми мы дружим, либо сохраняем деловое партнерство. А что вокруг? Несколько гектаров земли и старый деревянный дом и это все, что есть у тебя, Бен и все, что будет у тебя всегда. За пределами всего этого – пустота. В нашем маленьком мире очень много вопросов, но многие из них лучше оставить без ответа, только так можно быть счастливым. Когда я был таким как ты, я тоже задавал себе много вопросов, но я повзрослел и выбрал спокойствие и уют фермы Китс, место без голоса в Совете и достаток, который позволяет нам жить и сохранять наши земли.

Отец ненадолго замолчал, выбивая трубку о перила балкона, затем продолжил:

– Ты должен учиться, чтобы получить место не ниже моего, научиться пчеловодству и земледелию. А потом ты вырастешь, унаследуешь ферму Китс, мы построим второй дом, породнимся с влиятельной семьей и даже, возможно, ты станешь членом Совета. Вот какого будущего я хочу для тебя, сын. Это лучше сотни вопросов без ответа. Запомни навсегда это, Бен. Выбор всегда прост: тыквенный пирог к ужину или смерть в пустоте.

– Это ты о чем?

Отец вздохнул.

– Я – не твой дядя, Бен, и не хочу, чтобы ты задавал подобные вопросы. Есть мир, в котором мы живем, и этот мир замечательный, есть ферма Китс и Конфедерация, и это все, что тебе следует знать. Оставь приключения и глупые вопросы своему другу Руперту.

– Но, пап...

– Ложись спать.

Бен лег, но заснуть не мог. От событий дня кружилась голова, а перед глазами стояла цветная карта господина Арчера. Пурпурный ромб с черной точкой дома семьи Клаусов все рос и рос. Пока не заполнил собой все воображение. И в мыслях не осталось места для лилового синяка под глазом, о котором умолчал отец и не отремонтированной крыши, о которой отец так же не обмолвился ни словом.

Натянув теплое одеяло по самые уши, Бен приготовился спать.

Под утро, как обычно, ударил легкий мороз, покрыв налетом инея траву в поле и разрисовав стекла фантастическим узором. Бен проснулся поздно и спустился на кухню, где его ждала мама и чашка горячего клюквенного компота. Отец уже стучал молотком на крыше, невнятно ругаясь на качество гвоздей.

– Доброе утро, Бен.

Волосы матери были спрятаны под платком, но было заметно, что они рыжие и что их очень много. Она подозвала Бена и проложила ему к глазу заранее приготовленный большой медяк, холодный (видимо всё утро держала на окне).

– Так быстрее пройдет.

– Это сразу надо было, – буркнул Бен.

Мать улыбнулась.

– Вот именно. А на следующей неделе мы приглашены в поместье Линквуд на день семьи. Я не хочу, чтобы мой мальчик появился там с подбитым глазом. Выпрошу для тебя специальной травы на рынке. Но на всякий случай, обходи стороной братьев Ганн хотя бы неделю.

Бен потрогал припухший глаз.

– Знаешь, мам, а если на празднике Линквудов все будут с такими, то мой синяк не будет замечен.

Мама засмеялась, но погрозила ему пальцем.

Мама Бена была маленькой женщиной в неизменном бледно – желтом платье, почти не выходящей за пределы фермы, за исключением похода на рынок по субботам. И этот день

становился настоящим событием. Встав пораньше, насколько возможно, она приводила в порядок волосы и платье, подводила углем глаза и красила губы тонким стерженьком помады, подаренной ей на юбилей отцом, по возвращении с Мануфактур еще три года назад. В субботу ее никто не ждал раньше второй половины дня. Это был день, когда отец и дядя Глен по очереди практиковались в кулинарных изысках.

Мама уже успела собрать пустые корзины и составить список покупок.

– Какие планы на день, Бен? Сегодня в школе вроде как выходной.

Бен понял намек, и наспех выпив компот с половинкой кукурузной лепешки, полез на крышу, где, неуклюже растопырив отбитые пальцы, ругался его отец.

Половина дня прошла на одном дыхании в непрерывной подаче досок и новых гвоздей. Пару Бен забил даже сам. Причем аккуратнее отца и потому скрыл этот факт.

Их дом был почти двухэтажным. Почти, потому что крыша, утепленная соломой еще в прошлом году, была оборудована под комнату Бена и гостевую. Планировалось, что там будет спать дядя Глен, но он выбрал старый сарай, поменяв в нем окна и пол. Никто не возражал. Все равно в сарае нечего было хранить, семья Китс уже почти четыре года не сажала зерновые и занималась производством меда и сена. Отцу стоило немалых усилий выбить это право у Совета, но все закончилось хорошо, так как мед всем был жизненно необходим, как и сено семье Линквудов, имеющих очень большое влияние в Совете.

С крыши были видны убегающие на восток цветные поля их семьи и длинные ряды ульев, протянувшиеся вдоль северной границы. А в нескольких шагах от дома дымил трубой сарайчик дяди Глена. Там он проводил некие манипуляции с медом, после которых стоимость меда возрастала, но детям употреблять его уже было нельзя.

Весь остаток дня Бен ждал Ру, попивая лимонад и качая ногами сидя на старом пне у ворот поместья. Но Ру не шел. Не было его и вечером, что было очень странно. К слову, Бен и Руперт были, пожалуй, единственными детьми, которым удавалось отлынивать от работы в субботний день. Бена по обыкновению не трогали во второй половине дня, так как он еще почти ничего не понимал в пчеловодстве и мог сотворить на ферме страшные вещи. Ру же попросту убегал с поля на пару часов, жалуясь, что ему срочно нужно наточить косу, или лопату, или нож или что-нибудь еще.

На закате стало совсем жарко, Бен забрал остатки лимонада и побрел в каморку дяди Глена.

Дядя Глен был обычно молчаливым худым человеком с почти лысой макушкой и глубокими морщинами под глазами. Он подмигнул Бену, перетаскивая пузатый бочонок в темный чулан.

– Какими судьбами, старина Бен?

– В гости.

– Тогда помогай.

За час они заполнили кладовку, а потом Бен сидел на пустой бочке и смотрел, как дядя набивает трубку прошлогодним табаком.

Бен бросил взгляд в угол сарайчика, где издавал булькающие звуки большой стеклянный баллон. Белый с легкой желтизной напиток тихо шипел мелкими пузырьками, ползущими вверх по внутренней стенке бутылки. Из угла тянуло чем-то сладковатым, отдаленно напоминающим мед. Бен покосился на дядю, но тот словно не заметил его шпионского поведения, только накинул старую куртку поверх бутылки и помешал угли в низкой, но очень горячей печке. Он топил ее день и ночь, и тут все время было тепло. Несколько крупных фляг булькали и пенились недалеко от печи, а остальные стояли на дальних полках вместе с закупоренными бутылками. На одной из них было написано «Ганн. Четверг», на других просто слово «заказ» и неразборчивое число. Бутыль «Ганн» была самой большой, а ее горлышко опечатывал темный сургуч. Несколько полок под самой крышей имели общую табличку «Праздник Линквудов».

Уже месяца два как Ру аккуратно, но настойчиво подбивал Бена на маленькое преступление – аккуратно вытащить из кладовки дяди Глена маленький кувшинчик с медовым напитком. И раз за разом Бен придумывал все новую отговорку. Почему-то Бен был уверен, что дядя не откажет ему в глотке своего варева для старших, стоит лишь попросить, но мысль о воровстве была ему неприятна. Ру же просто бредил идеей попробовать недоступный мед, и каждый раз фантазировал по поводу его вкуса. Он был то соленым, то нестерпимо сладким, то кислотовато – терпким в зависимости от рассказа и слушателей. Одно оставалось неизменным – Ру частенько хвастал тем, что лично выпил не меньше литра сладкого (кислого, соленого, горького) меда дяди Глена, а вечером упрашивал Бена раздобыть хотя бы глоток.

Сам же Бен не проявлял к творчеству дяди Глена подобного интереса, отчасти и потому, что от тяжелых паров, витающих в теплом воздухе сарайчика всегда немного кружилась голова.

– Пойдем – ка на улицу, старина Бен, звезда сегодня особенно яркая, посмотрим.

Звезда сияла над крышей дома, словно выплыла из печной трубы. Только это иллюзия. Положение звезды на небе всегда неизменно, только солнце восходит и заходит, скользя по горизонту и закатываясь за него. В свете звезды вились какие-то насекомые. Глен пускал дым в холоднеющий воздух.

– Никогда не кури трубку, старина, но мёда производства дяди Глена можешь попробовать... лет через шесть.

Бен молчаливо пообещал.

– Дядя, а ты помнишь основание? Ты же старше отца.

– Да как сказать... лет на пять. Что, дружище Арчер задал доклад на дом? – хохотнул дядя.

Бен кивнул.

– Забудь. Посмотри лучше на звезду. Когда-нибудь, я сооружу телескоп, и мы посмотрим на нее поближе прямо с крыши моего сарайчика и разглядим каждую точку на ней, каждое пятнышко. Ты знал, что на звездах тоже бывают пятна?

– На звездах? – переспросил Бен.

– Ну, солнце тоже звезда. Так что их две вроде как.

– Угу, – согласился Бен, – ну а основание то ты помнишь? Сколько тебе было тогда?

– Ты становишься любопытным, Бен. Отцу это не понравится.

– Уже не нравится.

– Основание было очень суматошной штукой. Разруха, потери, голод, болезни. Лучше всего этого не знать, а тому, кто знает – забыть. Не даром ведь в школе этого не изучают, – он подмигнул Бену, – но если уж Арчер задал такое на дом, то явно у старика совсем поехала крыша.

Бен хихикнул.

– В общем, через год-полтора все утряслось, и мы зажили хорошо.

«И от тебя никакого толку, дядя», – подумал Бен, а вслух спросил:

– А ты слышал, когда-нибудь о семьях, которые владели землей, но потом потеряли ее? Но больше дядя Глен не сказал ни слова.

На Фермы опустилась ночь и та странная тишина, которая бывает перед восходом и в первые часы после заката. Солнце исчезло за горизонтом, где-то очень далеко на севере заколыхался темный лес. Ветер принес запах сырости и первого холода с северных земель, оттуда, где в низинах и оврагах уже начал собираться туман, призрачной пеной заполняя лес в который никто не ходит. Здесь на крайней ферме наступление ночи ощущалось совсем не так как в центре поселка. Там был свет факелов и прохожие на улице, приветствующие друг друга приподниманием шляпы, хозяева домов, зажигающие фонари у ворот, чтобы прохожие могли спокойно добраться до дома. Там были сотни запахов: свежего хлеба, компотов, жареного мяса, заполнявшие пространство между домами, из которых раздавался звон посуды и ложек. Там

был лай редких собак за высокими заборами и шипение дерущихся кошек на деревьях. И, конечно, обиженное хныканье детей, которых прогоняли с улицы. Еще пара часов и огни погасят, ворота закроют, покормят скот, и дома один за другим погрузятся в сон до самого морозного утра. Тут же, на севере, ночь начиналась с тишины и тревоги. Неприветливая степь и мрачный лес, начинавшиеся сразу за оградой, становились еще более жуткими (к слову, они и днем не внушали радости). Оттуда веяло отчаянием и страхом. Там было опасно, совсем не так, как на родных и обжитых фермах.

Бен фантазировал о том, что однажды, став главой семьи Китс, он возведет забор не меньше чем в три с половиной метра и построит псарню на самой границе. Все это отказывался делать его отец, ссылаясь на слишком преувеличенную опасность северных земель. Бен же попросту боялся этой темноты за оградой и мечтал жить в центре, среди света факелов и домашних запахов.

«Ты не понимаешь, – говорил отец, – это большая честь и редкая возможность – жить на границе. Этого не нужно бояться, этим нужно гордиться, Бен. Спокойствие и безопасность, о которых ты мечтаешь – обеспечиваем мы, и это знают и ценят все семьи Конфедерации. Когда-нибудь ты вырастешь и поймешь». Но Бен рос и не понимал. На самом деле, он просто боялся за отца и за свою маленькую семью, особенно во время еженедельных дежурств, когда отец проходил с ружьем вдоль северной границы по ту сторону забора и осматривал укрепления. Через три дня его сменял дядя Глен. Остальные дни дежурили старшие из семей Колин и Фокс, которые так же жили на северной границе, но несколько дальше к западу.

Бен съел бутерброд с холодным мясом, качая ногами на краю крыши. Внизу прошел отец и помахал им рукой.

Холодало. Бен еще четверть часа просидел на крыше, смотря на звезду, а затем побрел домой.

* * *

Понедельник был странным днем. Занятия начались как обычно с урока по животноводству, на который Ру не пришел, а учитель Арчер ни обмолвился ни словом о бегстве Бена из-под наказания за испорченную карту. Сама карта с тем же темным пятном близ фермы Линквудов, висела над доской. Арчер то и дело поправлял очки на носу и рассказывал урок тише, чем обычно и спокойнее, почти монотонно. На середине рассказа о стрижке овец он вдруг прервался. Он снял очки с кончика носа и оперся обеими руками на стол.

– Господа и юные леди, – начал он, слегка наклонив голову, – прежде чем мы продолжим наше занятие, я хотел бы спросить вас, известен ли вам смысл одного слова, без понимания которого вам нечего делать в старшем классе. Это слово «фантазия».

Все начали переглядываться. А Кристи тут же подняла руку и была спрошена учителем. Не ней сегодня был сиреневый комбинезон по причине очень холодного утра.

– Мама говорит, что фантазия – это ложь и обманывать нехорошо. Когда мы фантазируем, мы придумываем небылицы, а потом сами путаемся, где правда, а где нет. Лучше говорить правду.

– Верно, госпожа Линквуд, – похвалил Арчер, – но я вам скажу, что фантазия не всегда бывает плохой. Есть безобидные фантазии, а бывают и полезные.

Арчер смотрел в глубину класса, но Бен вдруг понял, что все это он говорит именно ему.

– Полезные фантазии, дети, это называется моделирование. Мо-де-ли-ро-ва-ни-е. Записывайте. Например, если мне нужно предположить сколько грядок с картофелем я должен разместить на земле Ганн, а их усадьба мешает расчетам, я просто предполагаю, что дома там нет или он на берегу озера.

– Э – э, – слышалось из-за парты Эда.

– Или мне нужно рассчитать площадь поместья Линквудов, но мне мешает овраг, я представляю, что оврага нет и произвожу расчеты. Понятно? Большинство таких моделей я записываю или зарисовываю в своих бумагах, которые вам видеть не нужно. Ведь это моё моделирование и для вас эти записи бесполезны.

Арчер снял очки, чтобы протереть их клетчатым носовым платком и, слегка изменив тон, добавил:

– На этой неделе участились случаи нападения диких животных, особенно в ночное время и, особенно, на северных фермах. Я, как ваш учитель, должен предупредить вас об опасности (надеюсь, что временной) и предостеречь от появления на улице с закатом солнца, – он пристально осмотрел лица учеников, – особенно в ночное время! А теперь продолжим урок.

Бен почувствовал легкий холодок внутри. И эти слова учителя касались его. Их ферма была самой северной из всех земель Конфедерации. Потому предупреждение учителя касалось, прежде всего, их семьи. Из памяти всплыли обрывистые рассказы отца о новых нападениях, о необходимости укрепить ограду с севера и востока и о том, как семья Ганн выставляет дозоры на каждую ночь уже около недели.

Бен перебрал в уме всех известных ему диких животных, особенно опасных. Конечно, в первую очередь в голову приходили псы – огромные свирепые стаи, кочующие с востока на запад и обратно по северным землям. Еще он помнил о свирепых кабанах, голову которого он видел как-то в здании Совета, выделанную и прибитую к стене. Еще были лисы, но они не представляли особой опасности. Остальных чудовищ северных лесов Бен не знал и почти не верил в них. Если они и существовали, то не подходили близко к фермам, опасаясь собак и сторожевого огня.

Ко второму уроку пришел Ру. Он был хмур, а на нем красовался нелюбимый красный свитер. Задание по землеведению он отчитал без ошибок, чем заслужил похвалу учителя. Только после урока по ирригации Бен смог поговорить с Ру, все таким же мрачным и сердитым на жизнь и на свитер.

– Мама застала меня с ее пилкой и отняла все глясы, а я только четыре успел сделать. Заставила работать все утро до пяти часов и одеть в школу ее любимый свитер. Бен, мы же когда-нибудь, повзрослеем, да? И все эти издевательства закончатся.

– Ты потратил всю ночь, вытачивая глясы? – не поверил Бен, проигнорировав вопрос.

– Ерунда. Только три часа, пока мама не застучала. Зато ты бы их видел! Один из желтого стекла – просто шедевр. Ну да ладно, остаток ночи я обдумывал одно интересное дело, в которое могу посвятить только тебя. Помнишь вчерашние рисунки учителя Арчера?

Бен усмехнулся.

– За полчаса до твоего прихода он убеждал нас всех, что это его выдумки. Как-то это называется даже...

– Моделирование, – подсказал тонкий голосок сзади.

– Именно! Фантазии для простоты составления карт.

– Глупости, – отмахнулся Ру, – я уверен, что это для отвода глаз, – вернул Ру взрослую фразу, – Значит так, я все продумал...

Ру пододвинулся ближе и перешел на громкий шепот.

– Исчезнувшая ферма почти на четверть должна была располагаться на землях семьи Линквудов, а где-то рядом должен быть и особняк. Ну, или то, что от него осталось. Это очень далеко отсюда и добраться туда незаметно почти нельзя. Но на следующей неделе день семьи Линквуд и вас обязательно пригласят, так как ваши семьи дружат, а это значит, что вы проведете в поместье всю ночь и, возможно, половину дня. Если ты пригласишь меня (мы же друзья!), то я могу попросить маму отпустить меня с вами в гости, и вряд ли Линквуды будут возражать. Поедим пирог и ляжем спать, но, когда про нас забудут, тихонько проберемся к зад-

нему выходу и выйдем на ферму. Час бега через поля Линквудов, и мы на месте. Думаю, что до утра нас никто не хватится, а нам и трех часов хватит вполне.

Бен пожал плечами.

– Замерзнуть утром в поле? Заманчиво.

– Лучше так, чем остаться в неведении. К тому же, я попытаюсь стянуть из дома пару теплых вещей. А ты подумай о провизии и свечах, желательно и спички прихватить. Пару штук. Эх, Бен, если мы найдем в том доме старинные вещи – ты первый возьмешь то, что тебе понравится. Но, чур, не глясы! Они мои в любом случае!

– Так это из-за глясов? – Бен не поверил ушам, – все это только ради стекляшек?

Ру покачал головой.

– Бен, с момента нашего знакомства – это самое интересное из того, что с нами происходит. Все остальное – это уроки Грача по земледелию, – он говорил страшным шепотом, зло, но в то же время восторженно, – это здорово, Бен, наконец – то прикоснуться к тайне. Пусть даже небольшой. Это же на самом деле приключение!

– Из которого можно извлечь горстку глясов, – улыбнулся Бен.

– Именно, – улыбнулся Ру, – беру тебя в свой клуб искателей приключений.

Ру вдруг обернулся, заподозрив неладное. Кристи стояла позади него, уперев кулачки в бока.

– Ты придешь на наш день семьи с Беном?

– Нет, придет твой любимый Бен, – съязвил Ру, – а я за компанию, испортить вам праздник.

Последнюю фразу Кристи пропустила мимо ушей. Её щеки успели вспыхнуть как плавающие фонарики на День Основания. Бен некоторое время смотрел, как она радостно семенит по коридору, не замечая, что туфли ей все еще велики.

– Ты ей нравишься, Бен, – сказал Ру.

– Заткнись, Ру!

– И рыжей Лизе тоже.

– Заткнись!

Ру повернулся и сложил пальцы в виде целующихся губ.

– Чмок – чмок, милый Бен!

Бен прищурился, а затем вихрем налетел на Ру, пытаясь схватить его за воротник, Ру хохотал и, уворачиваясь, ухитрялся продолжать показывать фигуры из пальцев. Наконец Бен схватил его в капкан, прижав рукой к себе, а второй сделал самую жуткую для Ру вещь – потрепал его косматую макушку. Ру взвыл и тут же затих. Господин Арчер стоял в дверях и указывал пальцем на их места за столами.

Ученики послушно расселись по местам и раскрыли тонкие томики «Грамматики и чисел».

– Итак, – начал он с обычной язвительной шутки, – напомним для самых «прилежных», что в нашем алфавите девятнадцать букв. А теперь перейдем к сочинению. Тема – «Моя ферма и наши соседи». У вас три четверти часа, приступайте.

Шуршание бумаги заполнило класс. Бен осторожно перегнулся через стол и шепнул:

– Ру, а ты любишь тыквенный пирог?

– Гадость, – сказал Ру.

* * *

Бен и Ру с нетерпением ждали тот замечательный день, когда семья Линквуд пригласит их в гости на торжество. Точнее, пригласить должны были Бена, но Ру не собирался пропус-

кать такой замечательный праздник как день семьи. Накануне они собрались у Ру с предложением отпросить его у госпожи Кимберли на вечер и ночь следующего дня.

Роза Кимберли была невысокой женщиной с собранными в пучок волосами и сильными загорелыми руками с мозолями на пальцах от каждодневной работы в поле. Из четырех ее сыновей только трое пока могли работать в полную силу, но старший сын все еще пропадал на мануфактурах, изредка присылая оттуда посыльным несколько бронзовых монет и короткое письмо на оберточном картоне.

Госпожа Кимберли сидела на краю не струганной деревянной скамьи, а перед ней были рассыпаны почти черные картофельные клубни, перемазанные жирной землей. Ее руки тоже были вымазаны по самые локти. Она устало улыбнулась, увидев Бена. Его она любила.

– Здравствуй, Бен. Привел моего разгильдяя домой? Вы голодные? Руперт, тащи сюда сковороду!

Бен хотел из вежливости отказаться, но пустота в животе требовала большого количества горячей и жирной пищи.

– Как поживает госпожа Китс? Я все время забываю передать ростки сливы для ее сада, у меня как раз есть совсем свежие. Напомни мне сегодня, мальчик мой. Руперт!! Я просила сковороду!!!

После обеда, за которым в очередной раз выяснилось, что Руперт шалопай и лентяй (что было отчасти правдой, т.к. все огромное хозяйство держалось исключительно стараниями самой госпожи Кимберли), Бен и Ру забрались на чердак наблюдать за звездой и обдумывать план грандиозной и, возможно, опасной вылазки. Где-то внизу слышался стук – это мама чинила обувь Руперта. Незадолго до этого госпожа Кимберли настоятельно попросила Бена остаться у них и отправила одного из их сыновей с этой новостью и саженцами к ним домой. По правилам хорошего тона, брат Руперта теперь должен был остаться на ночь у них, и Бен всерьез беспокоился за целостность своей коллекции речных камней.

– Откроем заседание нашего клуба, – сказал Ру шепотом, зажигая старую масляную лампу. Это голос интонацией немного напоминал голос его матери на заседаниях общества садоводов, впрочем, других представлений о тайных обществах у Ру не было.

– Клуба?

– Именно. Мы наткнулись на загадку, которую просто обязаны разгадать, а старшие нам в этом не помощники. Ты это и сам понял.

– Подожди, – Бен поднял руки, собираясь сказать длинную речь о том, что не следует впутываться в неприятности, но под сердитым взглядом Ру произнес только, – может не стоит?

– О чем ты вообще?! Мы наткнулись на нечто действительно интересное. С тобой или без тебя, но я разгадаю, что скрывает Грач и остальные.

– А что, если это что-то опасное, Ру? Может они защитят нас хотя бы, потому и скрывают правду.

Ру сердито сопел.

– С тобой или без тебя, Бен.

Бен вздохнул. Средств против такого взгляда у него пока не было.

– Ну, хорошо. Что ты предлагаешь?

– Первое, – просиял Ру, – мы организуем клуб исследователей загадок и назовем его, ну, скажем, КИМ.

– Ким, значит?

Ру смущенно пожал плечами.

– Ну, Комитет исследователей мистики. Мистика – это такое слово, которое мама произносит, когда что-нибудь теряет и долго ищет.

– А я-то подумал, что это сокращение от Кимберли, – съязвил Бен.

– Да нет, что ты. Второе. Мы должны побольше узнать о том месте, где стоит заброшенный дом. Праздник у Линквудов совсем скоро и нельзя терять время, если хотим узнать его тайну. Хорошо бы еще раз взглянуть на карты Грача, а еще лучше – перерисовать их.

– Ну, это вряд ли, – ответил Бен, – Арчер теперь глаз не сводит со своего портфеля.

– Конечно. Но я подумал о рыжей Лизе Колин. Тебе стоит просто попросить ее стянуть нам одну карту, когда учитель Арчер придет домой. Это, конечно, не так просто, но тебе она не откажет, – с полной серьезностью в голосе сказал Ру.

Бен многозначительно промолчал и Ру сменил тактику.

– Хорошо, тогда подождем другого удобного случая. Может лет через пять.

– Ру, у меня прекрасная память! Мне не нужно еще раз смотреть на эти карты, дай мне бумагу, и я нарисую тебе копию той карты. Другое дело, что там нет ничего! Я помню, как был однажды в этих местах за фермой Ганн, там небольшая роща, земли Неприсоединившихся с высоким забором и все, никакого заброшенного дома.

– Ну, это мы еще увидим, – решительно сказал Ру, – вот только... вылазка наша обещает быть очень и очень опасной.

– Ты о чем? – нахмурился Бен.

– Сегодня я слышал, как господин Ганн разговаривает с твоим отцом, – сказал Ру страшным шепотом, – господин Ганн говорил, что не выполнит в срок поставки хлопка, так как в течение недели будет занят укреплением северной границы. Это очень странно, ведь вся их северная граница – это побережье озера, а за ней только ваши земли и вы одни из немногих семейств, которые сохраняют нормальные отношения с их семьей. Можешь узнать у отца, зачем они это делают.

Бен пожал плечами.

– Так он мне и ответил, Ру.

– Все равно спроси. Многие поговаривают, что он готовится к обороне.

Бен усмехнулся про себя. Насколько он помнил, за всю историю Конфедерации была только одна война, в которой был даже применен пистолет, но тогда речь шла о масштабном переделе земель, и, насколько знал Бен, их семья в ней не участвовала. Той войне предшествовал почти год перепалок в Совете и голод.

– Да, конечно! Разве что дядя Глен закидает их гнилыми яблоками.

– Тогда им потребуется забор повыше, – засмеялся Ру.

Бен поджал губы и огляделся, словно кто-то мог их подслушивать.

– Если папа узнает, что я согласился на это приключение, вместо того чтобы заниматься делом...

– Оторвет тебе голову, – предположил Ру.

– Нет. Он просто построит трехметровый забор вокруг меня.

Ру замолчал. Из окна подул холодный ветер и затрепал занавеской.

– Ничего он не узнает. Это я тебе обещаю. Так как насчет нашего тайного общества по раскрытию тайн и загадок?

Бен улыбнулся.

– Ну, это заманчиво.

– КИМ?

– Пусть будет КИМ.

– Ну, вот и отлично. Тогда начинай рассказывать последние новости, может выудим что-нибудь интересное для нас.

Бен поделился новостью о нападениях диких зверей, но Ру лишь пожал плечами. Ни о чем подобном он не слышал, да и едва ли это могло его интересовать.

– Звери не по нашей части, да и мало ли тут бродит хищников.

Бен выудил из-под матраса большую потрепанную книжку, и с заговорщическим видом разложил ее на полу. Бен сразу заподозрил, что точно такую же книжку он видел в школьной библиотеке, но промолчал.

– Смотри, вот список диких зверей севера с картинками. Псы.

Из книги на них смотрел хорошо прорисованный пес с наклоненной к земле головой. С его оскаленной пасти капала слюна, видимо для наглядности. Бродячие стаи были настоящей проблемой для северных ферм, но, к счастью, тех все еще отпугивал огонь.

– А вот посмотри – кабан.

Клыкастая морда шурилась маленькими хищными глазками. С позапрошлом году во время похода за древесиной подобный зверь напал на дядю Глена и сильно повредил ногу, дяде Глену, конечно. Сам же зверь уже через час занял свое место над костром и по всем северным землям разлился чудесной запах жареной дичи.

А на следующей картинке был медведь. В то, что они все еще существуют, Бен не верил, но картинка выглядела очень устрашающе.

– Ру, нет никаких медведей в доме Клаусов.

– А откуда тебе знать? – возразил Ру.

– Боишься?

– Нет, – Ру насупился, – я слышал, что старшие говорили о новой дикой стае, но медведя никогда нельзя исключать. Ты его видел?

Ру ткнул пальцем в картинку.

– А что скажешь, если мы выследим, откуда приходит стая и доложим старшим?

– Хорошо, но сначала заброшенная ферма.

Бен кивнул.

– Но ты ведь понимаешь, что мы говорим о ночном походе на окраину Ферм. Ночном, Ру! Даже городские редко выходят на окраину по одиночке. А стая собак? Я уже молчу про..., – Бен многозначительно кивнул в сторону далекого леса.

В открытое все еще окно влетал прохладный ветер и приносил запах свежего сена. Вокруг были бескрайние поля, по которым тут и там ползали светлячки факелов поздних работников. Ферма Кимберли была почти в центре всех поместий и повсюду видны были квадраты грядок, полосы вспаханных и засеянных полей, круги фруктовых садов. Родную ферму Бен отсюда конечно видеть не мог. Зато было хорошо видно высокое трехэтажное здание Совета, над шпилем которого зависла звезда. На верхнем его этаже горел маяк как символ спокойствия. Он означал, что единственный городской заступил на службу, чтобы беречь сон горожан от диких зверей из дальнего леса.

Однажды отец (тогда была его очередь дежурить) отвел Бена на вершину маяка, показал большую масляную лампу с зеркалами и восхитительный вид с десятиметровой высоты. Бен старался охватить взглядом как можно больше и запомнить. Был канун Дня основания и все двенадцать ферм были освещены факелами. Факелы стояли и вдоль улицы. Это был праздник огня и людей, украшающих дома к празднику. Светилась и неприсоединившаяся ферма далеко на юге и более далекие мануфактуры, отсюда казавшиеся цепочкой тусклых огоньков на горизонте. А вокруг этого огромного пятна света стоял непроглядный мрак, колышущийся холодным ветром и ветвями далеких деревьев.

«А что там, папа?» – спросил тогда Бен, показав пальцем на север. Над далеким лесом мерцал маленький далекий огонек, слишком яркий для факела и неподвижный. Отец не обернулся, он осторожно опустил руку сына и сжал его плечо.

«Смотри, какая красота, Бен, смотри, сынок, когда страшно, всегда смотри на фермы». И Бен смотрел, зная, чувствуя спиной, что за ним мерцает далекий фонарик и смотрит в его затылок из темного леса, словно хищный одноглазый зверь.

– Не передумал, Ру? – спросил Бен, все еще вглядываясь в темноту.

– Спрашиваешь! Конечно, нет. Я уверен, что в том доме полно старинных цветных глянсов и других интересных штук. Уж тогда я выступлю на следующем пятничном стрите! А может, мы даже наткнемся на привидение и будем всем рассказывать потом подробности, не просто так конечно, за пару тройку глянсов...

Бен улыбнулся и, завернувшись в одеяло, устроился в дальнем углу, подальше от окна.

* * *

Руперт обожал дни семьи, особенно чужие, когда не обязательно было предварительно работать в течение целой недели, готовясь к празднику. По случаю приглашения Ру одел даже новый льняной костюм и ситцевую бабочку. Ботинки так же пришлось начистить воском. Он всегда был на полголовы ниже Бена, но сегодня как-то ошутимо подрос и держал подбородок чуть выше обычного. Приглашение на кусочке картона он положил в карман костюма. Сегодня он представлял семью Кимберли, на главном празднике одной из самых влиятельных семей Конфедерации. Разумеется, приглашения были высланы всем семьям и всем членам семей, владеющих землей, включая грудных детей, но по обычаю, имеющему свои корни в печальном опыте оставления хозяйства без присмотра, каждую семью представляли лишь один – два человека. Исключением была лишь семья Китс, и так малочисленная, да и за пчелами большой присмотр был не нужен – дяди Глена было достаточно.

Накануне Ру вел себя хорошо, допоздна работал в поле и не задавал за столом глупых вопросов, пока мать не насторожилась и не приложила руку к его лбу. Оказалось, что доказывать, что вполне здоров гораздо сложнее, чем симулировать болезнь, в чем Ру в свое время преуспел. Но, так или иначе, а разрешение посетить праздник с семьей Китс он получил. Тихая и мирная семья Китс пользовалась хорошей репутацией и уважением, а, значит, Ру был под хорошим присмотром.

Ру гордо вышагивал между господином и госпожой Китс, шагая в ногу с Беном и даже немного впереди. Идти пришлось долго, но господин Китс не стал арендовать коней, сославшись на хорошую погоду. Ферма Линквудов лежала на юге с восточной стороны от дороги, и они шагали по пустой улице почти до самого здания школы, а потом из-за поворота появилась чета Корвин, вдалеке слышались громкие голоса других приглашенных. Особняк Линквудов был виден издали. Улицу у ворот освещали три огромных факела, а четвертый держал сам господин Линквуд. Стены украшали газовые фонари и фосфоризирующие рисунки в виде лилий.

Навстречу гостям вышли все пять детей Линквудов, и даже младшая Кристи в белом платье с розовыми бусинами, роскошном и дорогом как целый дом. Старший Патрик держал в руках лилии и вручал по одному цветку каждому входящему в огромный, сверкающий сотней свечей, дом. Господин Линквуд жал руку главам семей. И Ру немало удивился, когда крепкие пальцы сжали его внезапно вспотевшую ладонь.

– Добро пожаловать, господин Кимберли. Прошу, проходите в дом.

Они вошли в огромный зал. Тут были зеркала, не меньше десяти зеркал, в которых отражались сотни, если не тысячи, свечей. Ру потерялся во всем этом великолепии и жался к тяжелым бархатным шторам. Гости собирались здесь, входя в широкие двери, оглядывались по сторонам, скользили взглядами по зеркалам и хрустальным люстрам. Они перешептывались, восхищаясь обстановкой и друг другом.

А за другой дверью их ожидал зал с низким потолком, украшенный выделанными шкурами и резными дубовыми панелями. Тут были и головы охотничьих трофеев, и даже ковер с толстым ворсом. А еще тут стояли накрытые столы, дожидаящиеся гостей.

Ру все смотрел и смотрел на входящих в зал людей. Все были красиво одеты, особенно дамы, платья которых почти касались пола. Вскоре прибыла и семья Ганн. Стук копыт был

слышен издали и вскоре красивые черные кони (к слову, у семьи Ганн были собственные кони) остановились у ворот. Высокие Ганн в черных костюмах спустились с коней. В их руках были тонкие трости и белые перчатки. Отец Ричард Ганн и двое его сыновей Эдвард и Ллойд. Они синхронно в знак почтения поклонились хозяевам дома, слегка кивнув головой. Господин Ганн еле заметно махнул пальцами руки, и его сыновья покорно отошли к другим детям семей, но не присоединились к ним.

Господин Ганн улыбался всем, слегка сжимая тонкие губы, на его лысеющей голове отражались огоньки свечей. На мгновение он столкнулся взглядом с Беном, слегка прищурился, но улыбка пропала с его лица. Он выждал несколько секунд, затем коротко кивнул.

– Добрый вечер, господин Китс. Господин Кимберли, – и скрылся в обеденном зале, куда немедленно заспешили и его сыновья.

Ру толкнул в бок Бена.

– Что это с ним?

Бен пожал плечами.

Вскоре хозяева дома позвали всех к столу. Праздник начинался. Детей, а точнее тех, кому еще не исполнилось шестнадцать, посадили за соседним огромным столом, отчасти из-за разницы в поданных блюдах. Ру опустился на широкую скамью, устеленную мягким покрывалом между Беном и юной Бетти Корвин, средней дочерью семьи Корвин. Бетти была очень обаятельной, хотя и немного полноватой девочкой. Ру душила важность и красота праздника, хотя еще, частично, он подозревал ситцевую бабочку. Бен улыбнулся ему, а он подмигнул Бетти и еще какой – то девочке из далекой фермы в голубом платье.

Подали салат с очень вкусным оранжевым сыром и грушевый сок. Ру набросился на него, но вскоре пожалел – жареная птица и дмящееся мясо со специями заполнили стол на тарелках с вареным картофелем и обжаренной морковью. В центр стола водрузилась большая рыба, украшенная зеленью и свежими овощами. Ру набирал себе в тарелку все самое вкусное (как ему казалось), не забывая про тарелку Бетти. Он еще смотрел, не лишний ли на его тарелке третий кусок кукурузного хлеба, когда господин Линквуд объявил второе горячее и сюрприз. И Ру сдался. Он слегка отодвинулся от стола и тайком пытался ослабить ремень.

Бен был поблизости и пил сок. Его тарелка была еще на треть полной.

– Поешь за меня, – сказал Ру.

Бетти, услышав, тихонько засмеялась.

Бен тоже вяло отодвинулся от стола. Так он не ужинал уже давно, но мысль о десерте, которым, собственно, и был сюрприз, не давала покоя.

Господин Линквуд поднялся из-за стола с полным фужером вина и поблагодарил всех собравшихся. Вслед за ним поднялся полный мужчина в зеленом костюме – господин Корвин, глава семьи Корвин. Его глаза блестели под очками.

– Ваша семья достигла немалых успехов в этом году, как, впрочем, и все семьи нашего союза, но мы желаем вам стремиться к большему. Пора подумать и о качестве, если количество, как говорится, вот оно на столах.

Все одобрительно засмеялись и подняли бокалы.

– Все верно, господин Корвин, – отметил Линквуд, – качество определенно необходимо. Потому позвольте представить вам моего сына Курта. Он долгое время не ходил в школу, поскольку нам требовалась помощь всех членов семьи на пастбищах в этом году, но многое он изучил сам по учебникам сестры и моим скромным заметкам, ну и конечно огромное спасибо господину Арчеру за частные уроки.

Учитель одобрительно закивал длинным носом над тарелкой с картофелем и бобами.

– А в этом году мы решили отдать его в школу, получить образование и новые навыки.

Курт стоял возле отца и вежливо улыбался. Он был высок и очень коротко подстрижен, на высоких скулах играли желваки. Он коротко поклонился.

– Я не обману ваших надежд, господин Арчер. Отец.

Господин Линквуд довольно потрепал его по спине.

– А сейчас, господа, я хочу вас пригласить в сад, выкурить по трубке и подышать вечерним воздухом. Юные господа могут пройти в верхнюю гостиную, где вас уже ждет сок и десерт.

Гости покидали зал, весело смеясь и шутливо подталкивая друг друга в бок. Окна были распахнуты и сладковатый запах табака сочился из сада.

Бен и Ру потопали по винтовой лестнице наверх. Ру был рад, что ему придется остаться на ночь здесь в этой великолепии. В верхнем зале был низкий стол с клубничным десертом и стаканами с виноградным соком, но они прошли мимо и скрылись за соседней дверью. Десерт выглядел очень заманчиво, но им еще следовало обсудить план вылазки на затерянную ферму.

– Теплые вещи взять не смог, – сказал Ру, – может что-нибудь возьмем здесь. Зато о провизии уже беспокоиться не нужно.

Ру похлопал себя по животу.

– А что если нас хватятся? – предположил Бен.

– Не более чем через пару часов. Мы успеем.

Ру внезапно замолчал. В комнату зашел старший сын Линквудов Курт. Он на секунду замер в дверях, а затем прошел и закрыл за собой дверь. Только сейчас Ру понял, что они в кабинете. Тут был большой стол со свечами, картины на стенах, стеллаж с редкими книгами. Курт прошел к отцовскому креслу и налил себе воды из узкого графина. Жестом он пригласил гостей остаться.

– Там в основном девочки и разговоры о платьях, оставайтесь здесь, если хотите. Ты Руперт Кимберли? А ты возможно Бен? Сестра прожужжала тобой все уши. Так что я знаю о тебе очень много.

Бен кивнул. Они с Ру переглянулись и присели за стол, сложив перед собой руки.

Курт сел в кресло отца и дружелюбно улыбнулся.

– Идешь в школу в этом году? – спросил Ру, – Ты же пропустил почти год, как ты думаешь все наверстать?

– Меня учил господин Арчер, когда приходил обедать к нам. Плюс пара частных уроков в неделю. А что, вы хотите помочь?

Ру засмеялся и скрестил пальцы перед собой, толкнув в бок Бена. Он чувствовал себя уверенно.

– Ты же даже не знаешь когда была основана наша школа.

Курт улыбнулся.

– Первого сентября восемнадцатого года бэ о в старом здании Совета. Школа занимала первый этаж, а Совет второй. Первым учителем был Лайонел Фокс, ныне покойный отец господина Арчера. В ней открыты три класса и год высшей школы. Первый класс обучение длится два года, остальные по одному. В последнем, третьем, классе можно выбрать специальность – земледелие или мануфактурные работы. Но, боюсь, господа, так мы с вами ничего не решим и тем более не станем друзьями. Я предлагаю сыграть.

Ру и Бен дружно прыснули.

– В «кто умнее?» разве что...

Курт снова улыбнулся и положил руки на стол.

– Нет, в стрит, – он порылся в кармане и вытащил четыре зеленых глянца, идеальной формы, почти овальные (формы мира, как называл их Ру). Он положил их на стол и потянулся к другому карману. Оттуда он вытянул два красных глянца. Ру придирчиво осмотрел один из них и даже на просвет. В глубине красного стекла застыли крошечные пузырьки воздуха.

– Ну, знаешь..., – он вытащил из-за пазухи худой мешочек с неровными стекляшками, – если хочешь распрощаться со своим стеклом, то связался с нужным человеком.

– Вот это разговор! Значит по две.

Бен не заметил, как приоткрылась дверь кабинета, а Ру заметил и вжался в собственный воротник. В дверях стоял господин Линквуд, а на столе недвусмысленно лежала горстка глясов. Ру зажмурился, ожидая крика и, как минимум, перевернутого стола, но господин Линквуд внезапно засмеялся и положил руку на плечо сына.

– Играете, мальчики? Курт, не разоряй ребят. Я предупреждаю вас, господа, мой сын отличный игрок.

– Не сомневаемся, господин Линквуд, – сказал Ру.

Линквуд одобительно кивнул.

– Ну, играйте, оставлю вас. Но потом не жалуйтесь, – он подмигнул сыну и закрыл дверь. Курт пожал плечами.

– Отец разрешает нам играть. Не обращайтесь к нему, он никогда не упускает случая понаблюдать за игрой, да и сам неплохо играет. Просто не хочет вас смущать. Итак, ставим по три. А кто арбитр?

– Я буду, – вызвался Бен, – сложно дружить с лучшим игроком конфедерации и не знать правил.

Бен положил поставленные на кон глясы на тыльную сторону ладони и подкинул вверх. Игра началась. Ближайший в Бену гляс принадлежал Курту, и он начинал скидывать – отправлять цветные стеклышки щелчком пальца через ворота, образованные двумя дальними глясами. Ру напомнил, что первый задетый гляс выбывает из игры, но Курт только усмехнулся. С первого кона Ру потерял два гляса, со второго еще два. Он грустно посмотрел на свой мешочек, но продолжил игру. На третий кон он выиграл оранжевый круглый гляс и гордо положил его в мешочек.

К концу пятого кона Бен понял, что погорячился начет лучшего игрока конфедерации. Ру распрощался с последним глясом, вымученным накануне куском кирпича, усердием и бессонной ночью и зло посмотрел на Курта.

– Будем играть дальше, – заявил Курт спокойно, – скажу честно, я немного жульничал. Я привык к игре за этим столом, а вы нет, поэтому переместимся на пол и наши шансы сравняются.

– Ставить нечего, – буркнул Ру.

Курт подбросил на руке несколько глясов, как своих красивых, так и самодельных стекляшек Ру. Каждый знал, как приятно отыграть в игре собственный гляс, над которым трудился много часов, особенно если проиграл его достаточно давно. Собственно, по этому принципу и формировались команды и строились турниры при масштабных играх. Похоже, что Курт знал об этом.

– Я куплю у вас кое-что за пять глясов, и мы продолжим игру. Три твоих собственных и два моих. Твой из белого стекла я оставляю, он мне нравится.

Ру сердито сверкнул глазами, но уйти не спешил. Предложение не казалось ему таким уж позорным.

– Что хочешь за них?

Курт заговорил тише, но на шепот не перешел. Он пододвинул глясы к середине стола и убрал от них руку. Ру легко мог до них дотянуться.

– Кристи сказала мне пару дней назад, что вы рылись в бумагах Арчера, которые он так усердно прячет. Это правда? И не думайте плохо о сестре, она обещала ничего не говорить учителю, и страшим, на всякий случай. Любимого брата это никак не касалось.

Ру все же плохо подумал о Кристи, но про себя. Однако, выхода не было, да и азарт еще не остыл. Он переглянулся с Беном и начал рассказ. Он подробно описал карты и их с Беном выводы и о том, как обругал Эда Ганн и получил кулаком в переносицу от Ллойда и даже как подбил Бена сбежать из-под наказания (эта часть показалась ему наиболее героической).

Умолчал только о безумном плане разведки, но Курт перебил его на середине рассказа о чемпионате по стриту, на котором Ру выиграл уникальный тяжелый глянс в виде треугольника.

– Не могу поверить, что вы ни разу не пытались пробраться туда.

– Не могу поверить, что ты ни разу не видел этот особняк. Он почти граничит с вашей восточной частью пастбища.

Курт пожал плечами.

– Там забор. А за ним владения неприсоединившейся фермы. Мы с ними не общаемся, как и никто, впрочем. Их западная стена огорожена высоким кустарником. Со стороны Ганн тоже, так что не удивительно. В любом случае, мы должны там побывать. Да, я говорю – мы.

Ру и Бен снова переглянулись, а Курт продолжил:

– Идти туда сегодня опасно. Сейчас большой праздник и отец будет следить за чужими детьми, да и за нами тоже, для большей безопасности. Кроме того, уже ночь и до утреннего мороза мы можем не успеть вернуться. Если же нас поймают – путь на заброшенную ферму будет закрыт навсегда.

– Твои предложения? – спросил Ру.

– Сесть и играть. На следующей неделе я приглашу вас в гости. Отец как раз хочет, чтобы я больше общался со сверстниками. Потом под предлогом экскурсии по пастбищам, мы незаметно проберемся к восточной границе. Если не выйдет, то пойдем ночью. Я заранее узнаю, кто будет дежурить в поле, и попробую выбрать безопасное время. Теплые вещи и воду я постараюсь спрятать там, в течение недели. А теперь, думаю, нужно временно забыть об этом.

Они вернулись к игре. Ру действительно был более привычен к игре на полу и не только отыграл (правда, не без труда), свои родные стеклышки, но и заполучил два зеленых гляса Курта. Впрочем, Курт не сильно расстроился по этому поводу.

Вскоре в дверь вбежала Кристи. Она старалась не смотреть на Бена, но щеки ее были пунцовые. Курт присел и поправил ей воротничок на платье.

– Папа зовет вас в сад. Время фейерверка.

Когда они выбежали в сад, там было тихо. Четверо взрослых стояли полукругом, скрывая что-то, остальные спешно заходили в дом по вежливой просьбе господина Линквуда, включая детей. Ру успел заметить человека, сидящего на земле и сжимающего предплечье. Его рукав был пропитан чем-то красным, возможно кровью. Рядом лежала тушка какого – то не очень крупного зверя. Затем широкая спина Линквуда загрозила страшную картину. Ру узнал в сидящем на земле одного из наемных работников фермы, бывшего мануфактурщика. Тот явно был ранен, не смертельно, но довольно тяжело.

Через четверть часа Линквуд в сопровождении троих гостей вернулись в дом. Глава семьи сохранял беззаботную улыбку.

– Не о чем беспокоиться, господа. Работник еще новичок, плохо обращается со скотом, бывают и несчастные случаи. Прошу вас вернуться за праздничный стол и выпить еще по бокалу чудесного вина с фермы Ганн, а насколько позже вас ожидает сюрприз – великолепный салют. А пока моя дочь Кристи сыграет нам еще. Кристи, пожалуйста.

Кристи выбежала к гостям, озарив всех сияющей улыбкой и, прислонив к плечу тонкую изящную скрипку, начала играть. Тихая, спокойная музыка наполнила зал. Кристи играла почти совершенно, плавно водя смычком и при этом изящно изгибая запястье. Ру смотрел во все глаза, но не мог поверить, что это все та же зазнайка Кристи с вечно поднятой на уроке рукой, показывающая язык, смеющаяся над ним по любому поводу и так глупо и по – детски влюбленная в Бена. Она казалась взрослее, счастливее, а скрипка была словно продолжением ее руки. Ру казалось, что музыка звучит вокруг сама по себе, а Кристи лишь управляет ей, сдерживает ее своим смычком. Загоняет в струны скрипки не давая заполнить весь мир.

Музыка смолкла, но в тот же миг возобновилась с новой силой, ярче, восторженнее, наполняя все уголки большого зала, она накатывала все новыми и новыми волнами. Ру вдруг

понял, что не дышит, еще минута, и он стоит на ногах, энергично аплодируя вместе с другими, отбивая ладони. Рядом стоит Бен и тоже хлопает в ладони, улыбаясь.

А потом был салют, целых четыре залпа. Магниевые ракеты взмывали в небо, раскрашивая его зелеными и красными огнями. Они стояли и смотрели на яркие всплески огня над головами. Подошла Кристи и осторожно взяла Бена за руку.

– Как красиво, – восторженно произнесла она.

Бен кивнул.

– А ты хорошо играла.

Кристи улыбнулась, что-то сказала про уроки музыки, но слишком тихо и Ру ее не слышал. Он некоторое время смотрел на ее тонкие руки. Потом сделал шаг в сторону и вдохнул морозный воздух.

* * *

– Все в силе, Бен! – зашептал Ру так, что его было слышно в дальнем конце Конфедерации.

– А с ума ты не сбрендил? – Бен показал рукой на гостей, неспешно разбредающих по всему саду, – ты слушал Курта или как? На следующей неделе!

– А чихал я на советы твоего Курта! – выпалил Ру, – собирались сегодня и пойдем сегодня! Я все предусмотрел – если отправимся прямо сейчас, то успеем добраться до потерянной фермы и обратно часа за полтора, а если бегом, то и за час.

В плане Ру был один серьезный изъян – гости были не настолько пьяны и увлечены праздником семьи Линквуд, чтобы счесть нормой бег рысцей среди ночи двух школьников.

– Если ты не хочешь, я пойду один, – угрожающе подытожил Ру.

Бен вздохнул. Эта угроза всегда срабатывала.

Улизнуть от внимания гостей Линквудов было не сложно. Гораздо сложнее оказалось сориентироваться на незнакомой ферме и проложить себе путь в темноте. Бен запахнул куртку и кивнул на ограду, легко различимую в свете факелов.

– Идем!

Голоса и смех становились все дальше, а ночь вокруг все гуще и холоднее. Ру уперся лбом в деревянный овин и сказал, что они идут в верном направлении. Бен молча согласился. Его вздох Ру не заметил. Через пару шагов он уткнулся в амбар.

– Давай я пойду впереди, – сказал Бен.

Ферма Линквудов была огромной. В свете звезды лежали бескрайние поля, по которым, где-то вдалеке, бродили в своих загонах стада. Их полуночное мычание проносилось над серебристой травой.

За оградой колосились поля семьи Ганн, сегодня никем не охраняемые. Свет горел во всех четырех домах владения Ганн, включая два дома безземельных и было достаточно светло.

Бен махнул рукой и они побежали вдоль забора, цепляясь за траву, но не сбавляя скорости. Издали они казались двумя шустрыми зверьками, шелестящими лапками по травяному полю.

Звезда сияла над их головами, издали доносился лай чьих – то собак. На мгновение Бен представил стаю диких псов, перелетающую через ограду и окружающую их плотным кольцом. В порыве любопытства, они совсем забыли про неизвестную опасность, уже много дней грозящую им всем. Но Ру уже бежал впереди, а поле было чистым и не предвещало опасности.

– Ру. Подожди меня!

Но Ру уже не бежал. Бен остановился в шаге от него, слушая тишину. Далеко на западе сиял огнями дом Линквудов, три дома безземельных черными башенками застыли в южной

части поля, а в нескольких шагах от них стоял, привязанный к молодому деревцу, конь и неторопливо жевал траву, раздувая ноздри. За стогами прошлогоднего сена была маленькая роща, украшенная несколькими невысокими постройками. Примерно здесь на школьной карте располагалось чернильное пятно, за которое Бен еще не понес наказание в полной мере.

Тут, вместо чернильной кляксы, была лужа тумана, заполнившая всю низину. В белесом сумраке горел одинокий фонарь, чуть дальше построек, принадлежащих Линквудам, но стоящих уже на ничейной земле. За высоким кустарником кто-то срывался, оставив масляный фонарь на сухом пне.

– Нас ждут! – сказал Ру.

– Да перестань ты, скорее всего сторож пастбищ.

– Ага, там, где должна быть старая ферма!

– Это мы считаем, что она должна быть тут!

Ру промолчал и решительно двинулся вперед.

Он ожидал увидеть засаду: господина Ганн с сыновьями, хозяина земли господина Линквуда, пару городских, всех трех школьных учителей и отряд охраны с Мануфактур. Ру даже был готов к встрече с ними всеми, но он не ожидал увидеть того, кто ждал их там на самом деле.

Впрочем, слово «ждал» тут не совсем уместно. Господин Арчер дремал, оперевшись плечом о стену старого сарая без крыши. Он сидел в старом кресле – качалке, принесенным сюда, видимо, уже давно и, накинув на плечи плащ, тихо сопел в свете масляной лампы, стоявшей неподалеку на тухлятом пне. Второй фонарь, потухший, стоял возле его ног. А на коленях лежала стопка листов, исписанных красивым ровным почерком.

– Грач! – едва не выкрикнул Ру.

– Да тише ты!

Бен осторожно подошел, почему-то не боясь разбудить учителя. Ему казалось, что будет даже справедливым, если его накажут снова, на этот раз за ночной побег. Но учитель Арчер крепко спал. Иногда его губы шевелились, словно он с кем – то разговаривал во сне. Только сейчас Бен понял, что господин Арчер покинул праздник уже достаточно давно, видимо, сразу задумав уединиться здесь в тишине и покое. И даже позаимствовал коня Линквудов. Но почему именно здесь?

Посмотрев на листы бумаги на коленях учителя, Бен, все понял, хоть и не сразу. «Повесть о семье Клаус» – гласили ровные буквы на первом листе, которых было не меньше двух десятков. Были тут и рисунки – Бен заметил их в свете лампы – почти точные копии тех карт, которые они нашли в его папке на учительском столе. А били ли то карты? Бен в этом сомневался уже.

– Ру, – сказал он, – идем отсюда. Никакой фермы Клаусов нет, да и не было никогда.

– Не понял..., – Ру завертел головой, но Бен приложил палец к губам и Ру затих.

Бен аккуратно сложил листы стопкой, положил их на пень возле лампы, затем поправил теплый плащ, укрыв им плечи и колени учителя и еще раз осмотрелся вокруг. Старые сараи, которым десятки лет, старый сад, темнота, далекий лай собак.

– Пойдем, Ру. Нас скоро хватятся.

– Но потерянная ферма, где она?

Бен хлопнул ладонью по неровно сложенной пачке исписанных листов.

– Здесь.

В тот день клуб «КИМ» был как никогда близок к закрытию и, скорее всего, так бы и произошло, если бы не одно обстоятельство – дом Клаусов действительно существовал. И с того места, где сидел, притворяясь спящим, со стопкой фальшивой рукописи учитель Арчер, если внимательно присмотреться, можно было увидеть в свете звезды край его крыши над зарослями заброшенного парка.

А неделей позже произошло еще одно событие, которое принесло с собой новые загадки – внезапно пошел дождь.

2. Когда приходит дождь

К концу недели пошел дождь. Это был первый дождь за последние два года и, вероятно, последний. Солнце не взошло как обычно ярким теплым шаром, играя бликами на морозных стеклах, оно тяжело поднялось мутным пятном за туманной серой пеленой, в которую превратилось небо. Этого следовало ждать давно – с каждым днем в небе появлялось все больше облаков – серых комков не рассеивающегося тумана, а затем с севера свинцовой пеленой напозла мокрая дымка и поползла вверх, загораживая белизну неба. А потом посыпалась мелкая морось, воздух стал холодным и влажным, а дороги и дома потемнели от мелких капель. Даже деревья потяжелели, опустив мокрые ветки, с их листьев капала вода.

Бен не любил дождь. За свою жизнь он помнил всего парочку дождливых дней, но каждый из них оставлял в нем ощущение тревоги и грусти. Многие на Фермах не любили дожди. Говорили, что капли с неба приносят с собой такие вещи, о которых лучше не знать, вещи пугающие, необъяснимые. Бен боялся этих историй и очень любил их слушать, хотя и не всегда верил в них.

Холодный туман полз по земле, скользил по небу, было очень промозгло и пасмурно. Бен стоял на площади со всеми, кутаясь в теплый плащ отца, ушитый для него по случаю непогоды, и смотрел на печальную процессию. Четверо с дальней фермы (Бен не знал их имен), несли завернутое в брезент тело. По их шляпам стекала вода. Позади шли господин Линквуд и господин Ганн, неслышно переговариваясь. Они были закутаны в одинаковые черные плащи с капюшонами. Редкие прохожие стояли вдоль улицы, молча провожая неизвестного на руках мрачных людей. Когда они поравнялись с Беном, отец положил руки ему на плечи и легко сжал.

– Кто это, папа?

Отец прижал палец к губам и покачал головой.

– Айзек Борн с мануфактур, – сказал кто-то позади, – еще одна жертва. Не думаю, что мануфактурщики согласятся и дальше охранять нас.

– Снова псы?

– Боюсь, что на этот раз кое-что пострашнее.

Сзади кто-то громко шикнул и голос смолк. Бен обернулся, но не узнал никого под низко опущенными капюшонами. Отец осторожно отвел его в сторону, когда господин Линквуд и господин Ганн поравнялись с ними. Члены Совета хмуро кивнули Бену и обменялись рукопожатиями с его отцом.

– Айзек? – спросил он. Ганн кивнул, сжав губы, и покосился на Бена.

– Значит, теперь ждем коменданта Мануфактур, – многозначительно произнес отец.

– Сегодня. Он уже в пути, – сказал Линквуд нахмурившись, его заметно огорчало присутствие Бена, – мы ждем вас в Совете через час.

– Я буду.

Господин Ганн что-то вложил в руку отца Бена и, опираясь на трость, торопливо отправился за процессией.

– Через час, – наполнил Линквуд.

– Да. Буду через час, – рассеяно произнес отец. – Пойдем Бен.

Тело несли мимо здания школы, сегодня закрытой по неизвестной причине. Впрочем, никто из учеников все равно не пришел – по случаю дождя семьи были заняты внезапно нахлынувшими делами, для которых требовались усилия каждого. В конце улицы ждала повозка, запряженная рабочей лошадью мануфактурщиков. Тело аккуратно положили на мокрую солому, кучер курил и о чем-то разговаривал с людьми в плащах. Бен смотрел на них, оглядываясь через плечо, и заметно отстал от отца.

– Эй, Бен! – из маленькой толпы у палатки с глиняной посудой вынырнул Ру. На нем была толстая куртка и шляпа с широкими полями, почти скрывающая длинные плохо причесанные волосы. Позади мелькнуло хмурое лицо госпожи Кимберли.

– Бен, привет! Ты тут один?

Бен покачал головой, кивнул в сторону отца, раскуривающего трубку под кроной тополя. Ру заговорщически обернулся, поискав глазами маму.

– Дождь, Бен, настоящий дождь. Надо быть начеку, я не хочу пропустить ничего из того, что может случиться этим днем, а, особенно, ночью.

Эти слова прозвучали зловеще и Бен поежился. В отличии он Бена, Ру всегда придавал страшным последождевым историям большое значение и верил в них безоговорочно.

– Думаешь, что-то произойдет?

– Всегда происходит! Ну, ты же знаешь. Посмотри на старших, даже им не по себе. Все хотят поскорее уйти домой и закрыться на все засовы.

– Это верно, – согласился Бен и посмотрел на небо.

Ру снова обернулся на сердитую маму и почти шепотом сказал:

– Давай увидимся тут часа через три. Я как раз вернусь рассчитаться с торговцем за кувшины.

– Что, прямо на улице под дождем?

– Да нет же, в школе. Задняя дверь должна быть открыта. Через три часа, но могу опоздать, – сказал Ру и, махнув рукой матери, исчез среди покупателей.

Бен поежился, пытаясь согреться под промокшим плащом. Сырость пробиралась в каждую складку, бегала по спине мелкими мурашками. Свой утренний отказ от теплого свитера Бен считал сейчас особенно глупым. А дождь все поливал улицу мелкими каплями. В центре площади уже собралась приличная лужа, возле которой отец Бена уже оживленно беседовал с госпожой Линквуд. Госпожа Линквуд была высокой женщиной в красивом желтом плаще. Рядом в таком же плащике стояла Кристи, пряча руки в рукава.

– Привет, Бен, – поздоровалась она, согласно приличиям, слегка согнув колени.

– Здравствуй, Кристи.

На этом неловкая беседа исчерпала себя. Бен еще хотел поинтересоваться как ее здоровье, как поживает Курт, поблагодарить за красивую игру на празднике, но почему-то промолчал. Зато он подумал о том, что никогда прежде (за исключением дня семьи Линквуд) не видел Кристи вне школы. А она была похожа на свою красивую степенную маму и держалась так же величественно (Бен с трудом подобрал слово), не было и следа от веселой школьной непосредственности. Кристи улыбнулась ему и посмотрела себе под ноги. Бен пожевал свой язык и тоже посмотрел под ноги. Будь он лет на пять помоложе, он бы обязательно подергал отца за рукав.

– Как Ру? – вдруг спросила Кристи.

– Хорошо, – ответил Бен и зачем-то добавил, – спасибо.

Она снова улыбнулась.

– Слышала о вас много хорошего, Бенджамин, – сказала госпожа Линквуд, взглянув на Бена сверху, – мои дети о вас очень высокого мнения. Особенно... (Кристи едва заметно сердито топнула ножкой) ... Курт. Думаю, эта дружба пойдет на пользу и вам и Курту.

– Спасибо, госпожа Линквуд, – сказал Бен, смущенно кивнув.

– В школе Курту будет совсем не просто, – вздохнула госпожа Линквуд, – я говорила Жозефу, что это следовало сделать раньше. Но он не слишком верит в школьное образование.

– Напрасно, – отозвался отец, – господин Арчер – очень хороший учитель.

Госпожа Линквуд снова вздохнула.

– Да вы прекрасно понимаете, о чем я говорю, Рой.

Отец Бена незаметно кивнул и взглянул на сына. Бен стоял слегка красный и изучал наступающую на носки ботинок лужу. Кристи, склонив голову, внимательно следила за ним.

– Не будем загадывать, Рой, – сказала госпожа Линквуд, внезапно рассмеявшись, – идем, Кристи. Попрощайся с господами Китс.

Бен понемногу выходил из душевного ступора. Холод снова пополз под его одежду, возвращая к реальности.

– О чем загадывать, пап? – спросил он вдруг.

– Не бери в голову, Бен. Пойдем, у нас мало времени, – он посмотрел на часы, – нет. У нас совсем нет времени. Вот что, Бен, – он присел возле сына, – я возьму тебя с собой на Совет. Подождешь в коридоре, это не долго. Потом вместе пойдем домой. Хорошо?

– Может я сразу домой? – предложил Бен, но в душе ликовал и надеялся, что отец откажет. Оказаться в здании Совета во время заседания, да еще и провести там целый час! Об этом мечтал похвастать любой мальчишка в школе, но до сих пор это было привилегией лишь братьев Ганн.

– Нет, – сказал отец, и Бен послушно кивнул, тщательно маскируя свое ликование. В другой день отец легко отправил бы его домой и попутно дал бы с дюжину поручений, но не во время дождя, когда чувство тревоги и непонятного страха впитывалось с каждой упавшей с неба холодной каплей.

Дорога до здания Совета показалась Бену мгновением. Он сочинял живописную историю для Ру, предвкушая, как расскажет ее по секрету, зная, что добрая половина класса узнает обо всем уже через четверть часа. О встрече с Ру в здании школы он все еще помнил и надеялся незаметно улизнуть из поля зрения отца, не желавшего сегодня упускать Бена из виду.

У входа в здание стоял хмурый городской. Он кивнул господину Китсу и покосился на Бена, но ничего не сказал. А внутри было долгожданное тепло. Тут горел камин. Прямо в широком коридоре, вдоль которого висели картины и головы диких зверей. Под лестницей пустовал стул охранника, кутившего на крыльце. Бен встал под большой картиной, явно заказанной на мануфактуре – четверо в черных плащах восседали за столом, заваленным бумагой и книгами. Один из заседавших – в нем Бен узнал господина Ганн – откинулся в кресле и указывал рукой на документ перед собой. Человек в мантии председателя (его имя Бен помнил плохо) навис над столом. Его лицо выражало крайнюю решимость.

– Посиди тут, Бен, погрейся у камина, посмотри на картины. Я вернусь минут через сорок.

– Хорошо, папа, – сказал Бен, уже не слушая.

– Вот и чудесно.

Отец убежал по широкой лестнице на второй этаж, где, судя по рассказам братьев Ганн, находился зал заседаний. Там Бен не был ни разу. Только однажды поднимался по внешней лестнице на маяк, заступая на дежурство с отцом.

Когда зашел господин Ганн, Бен попытался спрятаться под лестницу, будучи уверен, что старший Ганн останется очень недоволен его присутствием в Совете. Но Ганн пролетел мимо, на ходу скидывая мокрый плащ и едва не сбив Бена с ног. Его трость застучала по деревянным ступеням, скорее подпрыгивая на них, чем помогая идти. Что-то ворча под нос, городской поднял плащ и наткнулся на Бена под лестницей, возле чугунной вешалки. Он снова подозрительно покосился на него, но не смог придумать, что делать с Беном.

Отец Бена формально не входил в Совет, но всегда имел там совещательный голос. Его слушали, как представителя пограничной фермы, ему шли на уступки по той же причине и по причине монополии на мед. Сам же отец никогда не отзывался о членах совета неуважительно, по крайней мере, в присутствии Бена.

Наверху раздались громкие голоса, превратившиеся в неразборчивое бурчание после того, как кто-то прикрыл дверь комнаты заседаний. Бен все еще разглядывал картины на стенах, темные в свете камина, и нескольких масляных ламп. Портретов больше не было, только несколько общих видов ферм, написанных явно с маяка, какие-то люди на мосту. Бен был

уверен, что приглядишься он получше – лица были бы легко узнаваемы. Женщина у перил была подозрительно похожа на госпожу Линквуд. Бен снова вспомнил неловкую беседу с Кристи и почему-то страшно разозлился на Ру, припомнив все его шуточки по поводу увлечения Кристи персоной Бена. Злился и на себя, за то, что позволял этим шуткам свободно гулять по школе. Но в одном он мог позволить себе признаться – Кристи была очень красивой девочкой. Бен вздрогнул, испугавшись своих мыслей и вернулся к изучению стен. Он уже собирался задать пару уточняющих вопросов городовому, но тот снова скрылся за дверью, неплотно прикрыв ее за собой. Из проема тянуло сладковатым запахом табака.

Смелая мысль мгновенно зародилась в голове Бена и заставила действовать быстрее, чем он успел испугаться ее. Подняться вверх по запретной лестнице он не решился, но в конце коридора, у камина, насколько он помнил, была вторая маленькая деревянная лестница, ведущая мимо второго этажа сразу на третий к входу в маяк. Подобная лестница была и снаружи на внешней стене. Бен исчез за камином, едва городской успел выглянуть в коридор, чтобы убедиться, что все в порядке. В несколько беззвучных прыжков он преодолел пролет и оказался возле маленькой двери, ведущей в коридор третьего этажа. Он замер, прислушавшись, а, затем аккуратно приоткрыл дверь, как ни странно, даже не скрипнувшую.

Коридор был пуст. Тут не было картин и камина, только стены, выкрашенные в красивый голубой цвет, как небо перед восходом, и два огромных окна, за которыми все еще моросил дождь. Бен скользнул в одну из приоткрытых дверей вдоль стены и оказался в маленькой комнате, уставленной старой мебелью и упаковками книг. Дверь он осторожно прикрыл за собой и оказался в почти полной темноте. Прямо под ним был зал заседаний – комната чуть больше этой с камином, дымоход которого проходил в стене за спиной Бена. Он слышал голоса и даже мог разобрать большинство фраз. Особенно тех, что произносил господин Линквуд, громко, почти крича:

– ...уже давно вышла из-под контроля, не смотря на ваши заверения, господин Ганн. Три нападения за неделю и вот теперь гибель Айзека Борна. Вы, Ганн, так отчаянно просили защиты наших границ у мануфактурщиков, словно мы сами были не в состоянии решить свои проблемы. Уверен, что сейчас комендант Мануфактур привезет официальный протест и отказ от содействия в защите нашей территории, и тогда мы окажемся один на один перед лицом более серьезной опасности, чем дикая стая взбесившихся собак!

Господин Линквуд кричал и Бен очень живо представлял его, трясущего кулаками над письменным столом, как на той картине внизу, где то же самое делал другой член Совета. Бен вспомнил, что тот был из семьи Ламберов – небольшой, но влиятельной семьи с южной фермы.

– Вы прекрасно понимаете, что дело не в диких собаках. Мы в состоянии перебить их всех еще на дальних подступах к фермам, стоит лишь организовать достаточно серьезную облаву. Другой вопрос, что нападения хорошо организованы и явно имеют другую цель, как просто привести нас в замешательство или попортить пару – другую заборов, – тихо сказал Ганн.

– Да! – рявкнул Линквуд, – например, рассорить нас с Мануфактурами – нашим единственным и достаточно сильным союзником. Уж не у неприсоединившейся ли фермы мы будем искать защиты впредь? Своры дикарей, которых давно пора уже отправить на каторгу.

– Словно они не твои двоюродные братья, – хохотнул Ганн и Линквуд осекся. Его гневное сопение было слышно даже наверху.

– Господа, для наших перепалок совсем не подходящее время и место, – мягко сказал незнакомый голос – вероятно Ламбер, – мы еще не послушали мнения господина Китса, а это ведь его ферма стоит под самым ударом.

Китс откашлялся (Бен сразу узнал голос отца) и тихо произнес:

– Мы готовы все так же добросовестно исполнять наши обязательства перед Конфедерацией.

– Я Вас умоляю, Китс, – отмахнулся Линквуд, – не сгущайте краски и не переоценивайте свою значимость. Мы дали вам монополию на мед только потому, что пчелиные ульи – сами по себе очень мощное оружие, особенно вдоль границы. Пара ударов по ним издалека и враг уже в туче беспощадных насекомых. Кто – кто, но Вы, Китс, защищены лучше всех нас. Тем не менее, продолжайте дежурства, и я бы даже настоятельно рекомендовал удвоить их, поскольку уж у вас есть ружье и право на его использование.

– Хорошо, – спокойно произнес отец, но Бен все еще отказывался верить ушам. Его подмывало выскочить в зал совета и одеть портрет со стены на самодовольную физиономию Линквуда. Его мстительные размышления прервал вкрадчивый голос Ганна:

– Думаю, нам пора подумать об ответе коменданту Мануфактур. Мы все еще нуждаемся в патрулировании наших улиц несмотря на то, что наша северная граница, как я понимаю, надежно прикрыта семьей Китс.

– И именно поэтому, Ганн, вы укрепляете свои ограждения вдоль реки, – язвительно заметил Линквуд.

Ганн игнорировал реплику и продолжил:

– Я лично буду просить уважаемого коменданта дать нам еще дюжину бойцов и, если понадобится, из внутренней каторжной охраны еще дюжину.

– Это неслыханно! – вскипел Линквуд, – Каторжники не будут охранять наши дома! Я не пушу ни одного из этого сброда на наши улицы.

– Тогда мы пустим на улицы бродячих собак, – заключил Ганн. – Но, в любом случае, мое предложение более разумно и безопасно, чем ваше, господин Линквуд.

Они ненадолго замолчали, словно обдумывая сказанное.

– А теперь о главном, – сказал Ганн, – думаю, не у одного меня дурные предчувствия по поводу неожиданного дождя.

– Не сгущайте, Ганн!

Бен живо представил, как раздраженно отмахивается от него Линквуд.

– Не в коем случае, достопочтенный, – мягко произнес Ганн и продолжил, – это не просто дождь, господа. Это второй дождь за сезон, притом, что этот год был не таким уж жарким. Ночное время стало существенно холоднее, и я не удивлюсь, если завтра на утро все наши посевы покроются коркой льда.

– И вы предлагаете нам сделать солнце пожарче, – хохотнул Линквуд.

– Я предлагаю создать комиссию по контролю за погодой, – спокойно произнес Ганн, чтобы установить есть ли у нас основания для опасений. Вы не задумывались о том, что наше стствие зверей с севера вызвано как раз тем, что их что-то вытесняет из лесов к нам, ближе к середине мира?

– Оставьте фантазии для господина Арчера, Ганн. Не могу поверить, что внезапный легкий дождик вызвал у Вас помутнение рассудка. Нам сейчас не до этих домыслов, гораздо важнее вопрос земельный.

Ганн промолчал.

– Земли истощаются, но не это главное. С истощением мы сможем справиться, – продолжил Линквуд, – продовольственный налог на содержание Мануфактур все выше. Мы долгие годы работали на себя и кормили их, и нам хватало...

– Вам хватало, – язвительно вставил Ламбер.

– Я продолжу. Да, хватало, хотя у нас большие семьи, а у многих и целые дома безземельных, которых тоже следует кормить. Но вы посмотрите на цифры. Еще десять лет назад население Мануфактур едва превышало две сотни, а сейчас смело приближается к трем. За нас счет, господа!

Ганн тяжело и устало вздохнул.

– И это я говорю глупости? Мы не можем отказаться от их услуг, если вдруг вы, господин Линквуд, вдруг не освоите гончарное и стеклодувное мастерство. И кузнечное дело, желательно. Любой пересмотр соглашений зайдет в тупик. Мануфактурщики не позволят оставить себя голодными, мы же и недели не проживем без их услуг. В том числе и врачебных. Как ваш зуб, господин Ламбер? Скоро нам понадобятся новые земли, а выйти за северные границы мы не можем по вполне понятным для присутствующих здесь причинам. И будет война, господа. Мы так же соберемся здесь, может через полгода, и решим, что выжить сильные семьи могут только за счет малочисленных и слабых и их земель.

Смешок Линквуда утонул в воцарившейся тишине.

– Еще есть неприсоединившаяся ферма и их два гектара, – мягко напомнил Линквуд
Снова недолгая тишина.

– Да будьте вы неладны! Мы сейчас всерьез обсуждаем возможность начала войны! Думаю, до этого не дойдет.

– Пора закругляться, господа, – сказал Ламбер.

Бен подскочил, едва не опрокинув на себя шкаф с коробками, он уже подскочил к двери, когда услышал шаги в коридоре. Человек за дверью явно никуда не спешил, мерно прохаживаясь вдоль коридора. К счастью, и голоса внизу еще расходиться не собирались. Бен затих, прислушиваясь одновременно к шагам за дверью и тихому голосу господина Ганна.

– Мы не должны сеять панику, господа. Я напому вам, уважаемые, почему в Совете так мало представителей – ибо неприятные вести не для всех в нашем маленьком обществе. Нам нужен праздник. Какие будут предложения?

– Сесиль Колин и Джон Фокс просят разрешение на регистрацию брака, – напомнил Линквуд, все еще зло пыхтя.

– В самом деле. Мы совершенно забыли о них. Месяца полтора уже ждут. Давайте выпишем им разрешение и устроим большой праздник в эти выходные.

– Не в эти, – напомнил отец Бена.

– Да верно!

Видимо речь шла о чем-то, что Бен пропустил.

– Значит в следующую пятницу. Рой, не передайте Колин – Фоксам хорошую весть?

– С радостью, господа.

– Что ж, полагаю, что есть смысл на этом закончить и подождать заявления коменданта. Если будут новости, я пошлю за вами, господа.

Внизу шумно загремели стульями, но, к счастью, шаги за дверью стихли. Бен выбежал из своего пыльного убежища и кубарем полетел по лестнице, на пролете столкнувшись с городовым. Охранник от неожиданности растерялся, но постарался ухватить Бена за край плаща. Бен юркнул между приближающихся в медвежьей хватке рук и оказался внизу, где почти налетел на отца.

– Бен, где ты ходишь? Нам пора!

– Уже иду пап, заблудился, – сообщил Бен, подталкивая отца к выходу. К счастью, между ними и показавшимся в коридоре городовым выросли фигуры Ганна и Линквуда, загородившие пространство между дверью и второй лестницей.

Отец торопливо накрыл Бена плащом и вывел на лицо. Он выглядел расстроенным и все время молчал.

– Пап!

Отец покивал в ответ, словно разговаривая с кем – то невидимым.

– Пап, мне в школу надо, – соврал Бен, пристально глядя на отца.

– Да, да, конечно. Иди.

Он неловко погладил Бена по голове, затем замер с поднятой рукой и развернувшись, медленно пошел вдоль ограды. Бен некоторое время смотрел ему вслед, а затем, спохватившись, побежал в сторону здания школы.

* * *

Пустая школа встретила Бена темными окнами и мерным хлопанием неприкрытой ставни на крыше. Дождь прекратился, но только на время – в небе все еще клубился серый туман, грозясь просыпаться на фермы новым потоком холодного ливня. Бен обошел школу вокруг, замочив поля плаща и ноги о мокрую траву. Дверь была закрыта, как и окна на первом этаже – в двух классах и подсобке господина Арчера. Зато ставня этажом выше была прикрыта неплотно, но добраться до туда, не замарав грязными подошвами белые стены школы, было невозможно.

Улица была пуста. Бен надеялся дождаться Ру снаружи, но его одинокая фигура, закутанная в плащ, на безлюдной улице возле закрытой школы могла справедливо вызвать подозрения. Не говоря уже о вездесущих братьях Ганн, владения которых начинались метрах в ста севернее школы.

Задняя дверь, вопреки утверждениям Ру и ожиданиям Бена, тоже была наглухо заперта. Зато окно возле нее было прикрыто неплотно и, как заметил Бен, даже не закрыто на задвижку изнутри. Бен пообещал себе никуда не проходить дальше коридора и, тем более, не копаться в школьных вещах, и скользнул в оконный проем, аккуратно прикрыв его за собой. Как оказалось – вовремя. За школой послышались голоса, судя по всему, помянутых братьев Ганн. Бен присел, скрывшись за низким подоконником. Голоса стихли. Кто-то (судя по шагам – трое) прошел вдоль дороги и скрылся, так и не появившись в окне.

Бен поднялся на ноги, на всякий случай отошел от окна и приготовился ждать. Топот и возню Ру он услышал бы и за километр, если, конечно, не случилось так, что Ру уже внутри.

К маленькому темному коридору примыкал широкий и светлый, отделяющий кабинет начального класса от кабинета второклассников. Еще тут была небольшая кладовая, где хранилась непонятная утварь для занятий с учениками, изучающими мануфактурное дело. Из знакомых и понятных вещей там хранились только землемерные нивелиры и шагомеры, оптические астролябии и некоторые другие замерители расстояния, названия которых Бен не знал, а также грабли и даже несколько лопат. В каморке господина Арчера таились вещи и поинтереснее, но Бен еще помнил данное себе слово. Он осторожно приоткрыл класс. Столы стояли двумя ровными рядами, а деревянный пол блестел чистотой. Это был класс второклассников и Бен находился тут впервые. Он не так уж отличался от их класса, разве что плакаты были все черно-белые с оборванными краями. Господин Корвин – второй учитель, не слишком следил за школьным инвентарем. Зато в углу замер странный скелет, почти человеческий, но гораздо выше. Его голова была маленькой, а руки большими и держались на деревянных подставках. Вряд ли кто-то сильно интересовался этим скелетом – он был покрыт слоем пыли и, вероятно, служил по большей части в качестве вешалки для плаща господина Корвина. Книг тут почти не было, в основном альбомы с зарисовками земельных участков. Один из них, раскрытый, лежал на учительском столе и был весь исчерчен бледным карандашом. Надписью над рисунком гласила: «Уточнение северо-восточной межевой линии границы участков фермы Корвин и фермы Кимберли по состоянию на 24 год Б.О.». Судя по всему, речь шла о четверти метра.

Бен тихо вышел из класса и прикрыл дверь. Ставни на крыше хлопали все сильнее, а сумрак сгушался. Пустые классы наполнялись полумраком, в котором даже давно мертвый скелет-вешалка выглядел как-то зловеще. Бен обернулся, изучая грязные следы, что волочились за ним от самого окна и злым словом помянул Ру, втянувшего его в это рискованное приключение и не изволившего явиться.

Бен развернулся и решительно зашагал к выходу, с легким страхом прислушиваясь к собственным шагам. В коридоре стало совсем темно, только слабый свет сочился с лестницы на второй этаж, где стучали по большому окну капли дождя.

«Ну, уж хватит с меня приключений на сегодня», – подумал Бен и едва не сказал это вслух, вовремя подумав о том, как зловеще будет звучать его голос в пустом здании школы.

Он почти подошел к окну, когда услышал легкий топот наверху, словно кто-то топтался на месте.

«Ру!» – мелькнула мысль. Вероятно, мальчишка забрался в окно второго этажа, не догадавшись проверить ставни на первом. Бен хотел окликнуть его, но вместо этого вбежал по лестнице на второй этаж. Коридор был светлым. От большого окна тянулась красноватая полоса по начисто вымытому полу – след от заката, пробившегося из-под туманной пелены в небе. У окна стоял человек и смотрел вниз, неестественно наклонив голову. Это не мог быть Ру, силуэт явно был на две головы выше и гораздо старше.

Бен замер. Бежать назад не имело смысла – человек у окна легко заметил бы его и догнал, стоило лишь неловко пошевелиться. Но человек не шевелился. Он медленно покачивался, стоя в вполоборота к Бену, но на фоне окна Бен не мог узнать его профиль.

– Господин Арчер?

Это был он. Но господин Арчер даже не шевельнулся, продолжая смотреть вниз и мерно пошатываться. Пол под ним поскрипывал, намекая на реальность человека, стоящего у окна.

– Это вы? Господин Арчер? Я случайно зашел, я Ру искал...

Господин Арчер стоял неподвижно и смотрел стеклянными глазами прямо перед собой. Пол снова медленно закрипел и Бен попятился. Он продолжал идти спиной вперед, пока не уперся в перила лестницы и все это время не спускал с глаз с неподвижного человека, казавшегося уже не таким реальным на фоне слепящего заката.

И Бен побежал, не помня себя от внезапно охватившего его ужаса. Ему казалось, что вот – вот холодные руки схватят его за шею, развернут и он увидит перед собой застывшее лицо незнакомца, которого принял за господина Арчера. Хотя, он точно видел еще минуту назад – это был учитель, с детства знакомый Грач, но без очков, с выпрямленной спиной, неудобно повернутой шеей и мертвым взглядом.

Бен вбежал в темноту коридора, почти на ощупь, продвигаясь вдоль стены. В проеме приоткрытой двери на мгновение мелькнул скелет – вешалка, и Бену показалось, что он скалится на него, улыбаясь во весь острозубый рот.

Окно открылось легко, предательски скрипнув, и Бен вывалился из него в сырость и сумрак улицы. Хлестал дождь. Но Бен был рад ему. Он торопливо шел, подбирая полы плаща, стараясь не задеть кипящие от дождя лужи. Холод бегал по спине, но Бен его не ощущал. Его сердце бешено колотилось, а ноги предательски подгибались, склоняя перейти на бег. Но, позади было окно – Бен знал это и почти чувствовал спиной стеклянный взгляд между своих лопаток.

Шаг, еще, еще, но школа была все так же издевательски близко, а улица пуста. В доме Линквудов не горел свет.

И Бен перешел на бег, шлепая по лужам и задыхаясь, слушая громкий стук где-то в груди и в шее, там, где пульсировал душный комок страха.

– Бен!

Он встал как вкопанный, он узнал голос.

– Бен, прости, Бен. Я не мог вырваться.

Бен стоял, схватившись за собственные коленки. Ру подбежал и сгреб его за шею.

– Мама не отпускала. Куда, говорит. Под дождь... Ты как, Бен?

– Нормально, – всхлипнул Бен, пытаясь отдышаться.

– Вот, что, – сказал Ру, – пойдем к нам. Тебе нужно попить горячего, а мама сварила компот. Пойдем!

– Мне домой..., – покачал головой Бен.

– Твоя мама как раз у нас. Пойдете вместе. У нас сегодня много гостей, – улыбнулся Ру, – и даже Грач у нас.

Бен схватил его за руку и резко оттащил с улицы под один из торговых навесов. Ру слушал внимательно о коротком и страшном приключении в здании школы, и глаза его становились все больше и больше.

– Ну, знаешь, Бен, – наконец сказал он, – я тебе верю, но Грач точно у нас. Сгорбился над столом и ест мамин тыквенный пирог. Издалека похоже, что он делает это носом. Умора!

Бен выразительно посмотрел на него.

– Ладно, Бен, нам надо вернуться. В школу, я имею в виду. Кто бы там ни был – он явно не Грач. Я так и знал, что с этим дождем не все ладно.

– Постой, а как же твоя мама? Нас ведь ждут.

– А как же страшные приключения, Бен? Идем, или я пойду без тебя.

Против этого довода Бен все еще был бессилен.

* * *

Наблюдение за школой продолжалось чуть больше часа. Для этого они выбрали очень удачное место – стоянку под пологом из досок, которую наспех сколотили в свое время мануфактурщики. Тут они загружали обозы продовольствием с рынка и отправляли на юг, а все остальное время тут тайком играли в стрит местные мальчишки, а девочки в игрушечный рынок. Для Бена и Ру это место были идеальным по двум причинам: полог над головой был большим и надежным, достаточно, чтобы не мокнуть под не прекращающимся дождем, а вторым обстоятельством была близость к школе – в тридцати метрах через дорогу. Бен и Ру укрылись за лавками и некоторое время молча наблюдали за окнами. Потом Ру извлек из-под плаща маленький амбарный журнал и блокнот.

– Это что еще такое?!

Амбарные журналы были не редкостью, но большой ценностью. Их заводили, как правило, по два и большие книги предназначались для записи доходов и расходов, запасов и планирования урожая, а маленькие для ведения заметок по продаже товаров на рынке. Их носили с собой и очень дорожили ими. Даже маленький журнальчик в два десятка листов стоил не меньше десяти мануфактурных марок.

– Мой журнал, – гордо сказал Ру, – точнее наш.

Он продемонстрировал обложку, на которой гордо красовалась корявая надпись «КИМ».

– Мама тебя точно убьет!

– Да не. Брат привез таких с мануфактуры штук пять. Она и не заметит. Хотя, может и убьет, если заметит. В общем, тут я веду записи о странных вещах, с которыми мы столкнулись или еще столкнемся.

– И много написал?

На первой странице было старательно выведено несколько строк про дом Клаусов, а ниже грубо скопированный со школьного атласа фрагмент карты.

– Если кто-нибудь это увидит...

– Вот потому я и прячу его лучше, чем мешочек с глянцами и мамину пилку. Я ее все-таки стащил, представляешь? – Ру хихикнул и вернулся к наблюдению за школой.

В темных окнах не было никакого движения, только ветер колыхал занавеску в классе на втором этаже. Все окна были наглухо закрыты, но Бен был готов поклясться, что два из них, включая то, через которое он выбирался наружу, были раньше почти распахнуты.

– Там кто-то есть, – шепнул он.

– Значит, нам нужно подойти поближе.

На середине фразы, Ру уже перебежал дорогу. Бен вздохнул и побежал за ним. Через минуту они уже топтались у задней двери, слегка приоткрытой на этот раз.

– Говорю тебе, она была заперта!

– Ну, может Грач возвращался, – предположил Ру.

– Мы бы его заметили.

Ру осторожно приоткрыл дверь, отворившуюся почти без скрипа, и взгляделся в темноту коридора.

– Ну, ты идешь?

Бен неохотно последовал за ним.

В знании было еще темнее, чем прежде. Очертания мебели неясно вырисовывались в сумраке классов, только скелет все еще скалился из своего угла. Ряды пустых столов выглядели пугающими, словно вот – вот кто-то обнаружится сидящим на ученическом стуле. Как тот безмолвный «Арчер». Ру аккуратно прикрыл дверь – улыбка скелета его тоже пугала.

Они двинулись дальше под скрип дощатого пола к своему классу. Тут все было как прежде, но выглядело незнакомым. Даже родной стол казался чужим. На столе учителя забытые бумаги, а над доской испорченная карта. в темноте клякса казалась еще больше и жирнее.

– Ты здесь его видел? – шепнул Ру.

– Нет. Наверху.

– Хорошо. Давай осмотримся. Смотри, снова его бумаги. Если опять карты, я хочу перерисовать.

– Давай, я пока осмотрю коридор.

Бен аккуратно пролез в приоткрытую дверь, стараясь не скрипеть петлями, и снова оказался в коридоре. Лестница наверх была совсем не далеко, в нескольких шагах, но Бен никак не мог заставить себя подойти к ней. В памяти всплывало белое как бумага лицо «учителя», безмолвно стоящего у окна.

Ведь вполне могло оказаться, убеждал себя Бен, что учитель Арчер просто неважно себя чувствовал. Пожилые люди вообще чувствительны к перемене погоды. Возможно, он стоял у окна и ждал, пока отпустит боль в сердце, например, а потому и не обратил внимания на Бена. Скорее всего так и было, вот только слова Ру о том, что все это время прекрасно чувствующий себя Грач сидел у них в гостях, не давали покоя.

Определенно, это был незнакомец, вот только на фермах незнакомцев не было. Каждого из двухсот пятидесяти человек любой житель Конфедерации знал с рождения и видел практически ежедневно, за исключением замкнутых и малообщительных обитателей неприсоединившейся фермы.

Бен почти бесшумно прошел мимо соседнего класса и оказался напротив лестницы на второй этаж. В следующее мгновение случилось то, чего он совсем не ожидал, хотя и панически боялся. Наверху раздались тяжелые громкие шаги, быстро приближающиеся к лестничному проему. От ужаса Бен отшатнулся к стене, едва не ввалившись в пустой класс, и бросился к двери, за которой копался в бумагах Ру.

Ру все еще перебирал бумаги, громко сопя носом, когда Бен схватил его за рукав, приложив палец к губам, и быстро потащил к задней кладовке для землемерных инструментов. Там они и затаились в пыльном темном шкафу, плотно закрыв за собой дверь.

Сначала было тихо, но потом они услышали отчетливый топот за стеной. Бен замер, стараясь не дышать, хотя его колотило от страха. На мгновение показалось, что стук его сердца грохочет на весь пустой класс. Ру не казался испуганным, хотя и его лоб покрылся испариной. Глаза понемногу привыкали к темноте, а в замочную скважину и узкую щель под дверью сочился тусклый свет.

Шаги проследовали до двери класса, а потом раздался скрип. Кто-то вошел в пустой кабинет и остановился. Затем прошелся по ряду между столами и вернулся к двери. Бен ожидал, что в любой момент распадется кладовка и они увидят неестественно бледное лицо лже-Арчера. Но внезапно послышался топот второго незнакомца, а потом приглушенные голоса.

Бен аккуратно протиснулся к замочной скважине.

Двое стояли у учительского стола. Один – худой и невысокий в дождевике, а второго Бен сразу узнал. Широкая спина и взлохмаченные волосы выдавали Ллойда Ганн. Вполне вероятно, что вторым был его брат Эд.

Бен позвал Ру к замочной скважине, тот только скрипнул зубами. Он уже знал, что на столе лежали непроверенные контрольные работы, видимо случайно оставленные Грачом. А возможно, учитель планировал прийти на следующий день пораньше и проверить их до начала урока. В действительности же, Бен понял это позже, господин Арчер принес их в класс и начал проверять, но, узнав об отмене занятий, оставил их на столе до следующего дня. Неизвестно, как об этом прознали братья Ганн, но подменить результаты контрольной, видимо в первый раз написанной неважно, показалось им хорошей идеей. Эд мечтал работать на мануфактурах и не скрывал этого, а хорошая оценка за этот год была пропуском на специальность «Мануфактурное дело».

Бен вернулся к замочной скважине и пригрозил Ру, порывавшемуся выскочить из кладовки, кулаком. Быть пойманным разгуливающим по зданию пустой школы, когда нет занятий, ничуть не лучше, чем быть застуканным за подменой контрольных работ.

Ллойд уже покачивался в проходе, держась руками за края школьных парт, а Эд развалился на учительском стуле, подложив руки под голову. Видимо, дело уже было сделано.

Через несколько минут (все это время Бен пытался извлечь из-под Ру затекшую ногу) они поспешно покинули класс. Выждав немного, Бен и Ру с шумом вывалились из кладовки.

– Вот гады! – негодовал Ру, пиная косяк двери.

– Ты ожидал другого от братьев Ганн?

– Из-за них полчаса просидели в кладовке! Теперь мама точно будет кричать!

Бен подошел к столу. Один лист неровно торчал из аккуратной стопки работ. А рядом лежал классный журнал и желтые странички с записями Арчера.

– Ты это видел, Ру?

– Закорючки Грача?

– Нет, другое.

На половинке листа было нарисовано нечто совсем странное: ряд колечек тянулся от угла листа к противоположному, а по центру их перечеркивала ровная линия, нарисованная, видимо, по линейке. Было похоже на пуговицы, нанизанные на тонкую нитку или множество тонких блинчиков, проткнутых по центру шпажкой для жарки мяса.

– Что это за ерунда? – Ру вертел лист в руках, но не понимал смысла рисунка, – и ни одной же пометки.

Бен взглянул в окно. По улице медленно тянулась повозка, запряженная мулом. Погонщик в черном плаще с капюшоном шел следом.

– Нам пора. А то начнут искать.

Бен кивнул и сунул странный рисунок в свой блокнот, прежде чем Бен успел его остановить.

– Идем!

Они выбрались через входную дверь, аккуратно закрыв ее за собой. На улице было темно и тихо. Вдалеке горели окна особняка Линквудов, а еще дальше фермы Кимберли.

– Пойдем к нам, – пригласил Ру, пряча свой блокнот поглубже за пазуху, – при тебе мама не будет кричать слишком громко.

– Идем. Я скажу, что приглашал тебя посмотреть коллекцию камней.

– Сойдет.

Они все дальше удалялись от школы. И если бы проделка братьев Ганн совершенно не выбила их из колеи, Бен вспомнил бы, зачем они приходили в пустое здание школы, вспомнил бы белое лицо учителя и обернулся бы. И увидел бы свет в окошке на втором этаже школы.

3. Часовщик

«Глубоко на дне пруда в холоде и вечной тьме жили личинки стрекоз. Их жизнь была бесконечно долга и скучна, но даже они, мелкие божьи твари, не могли жить без легенд.

Часто живущие наверху, там, где уже недалеко была кромка воды и, куда проникал солнечный свет, говорили о странных силуэтах, порхающих, где то наверху за краем мира. «А возможно ведь, что мы не умираем, покидая наш мир, и там нас принимают в лучший и больший пруд радужные ангелы, прекрасные существа иного мира», – говорили они. Но другие смеялись, живущие в глубокой сытной грязи. «Ангелы? Глупости. Живите, ползайте и ешьте, пока солнце не забрало нас и держитесь от края мира подальше».

«А может солнце – это не смерть, может оно лучше грязи, где мы копошимся многие дни, боясь выглянуть наружу?»

«С ума сошли?» – ворчали старые располневшие личинки, – «Ну и ползите к солнцу, ну и умрите там. Что нам до этого?»

«Никакого другого пруда нет!» – повторяли старики.

И самые смелые ползли наверх. И не возвращались. Прошли дни, не вернулись и те, кто уходил наверх спасать безумцев. В пруду воцарилась жуткая одинокая тишина. Старые личинки подняли к свету слепые головы.

«Как скучно без этих глупых болтунов».

«А вдруг они нашли пруд лучше?».

Они задумались. И тогда одна личинка выползла из тины.

«Я найду и верну их, если они в беде. А если нашли пруд получше нашего, то позову вас туда. Я вернусь, поверьте, ведь я дойду только до кромки мира».

И она поползла. Медленно, тяжело по скользкой травинке она ползла наверх. Вокруг была пустота, жуткий свет и тишина. Ей тоже было страшно. Но вот травинка уже подвела к самому краю. Личинка еще раз осмотрелась и решила вернуться, когда внезапно неожиданно для себя взглянула наверх, на жуткое солнце. Сквозь разводы мутной воды сиял этот убийственный нереальный раскаленный шар. Оно было совсем близко, но страх, почему-то пропал. Откуда – то из далекого запредельного мира на нее смотрело прекрасное существо. Она не видела его, только мутный силуэт. Ангел. И он отведет в другой пруд, где больше воды и пищи. Силуэт дрожал и расплывался, второй стремительно метался над кромкой мира.

«Зовут. Я только спрошу».

И она поползла наверх. И вот боль пронзила ее, край мира обжег панцирь, и вода осталась позади.

«Только посмотрю», – шептала она и терпела боль. Яркий свет ослепил ее, и... вдруг странно согрел..., и она увидела гладь пруда и небо, и солнце в нем, ощутила ветер и приятное тепло. Это невозможно было понять и описать, это просто было. Она смотрела во все глаза, но солнце слепило слишком сильно, хотелось спать. И она уснула.

Проснулась она лишь на закате. Солнце было прекрасным, воздух свежим, а неудобный старый панцирь был слишком тесен, и она оставила его. Расправив легкие перламутровые крылья, она полетела над озером.

«Ангел, я же ангел! Как все просто. Как мы были глупы».

Она поднялась высоко, опробовав прекрасные воздушные крылышки, спустилась к самой воде.

«Я расскажу всем. Всем живущим в мутной тине о том, как прекрасен мир».

Но вода уже не принимала ее. Она лишь бессильно кружила над водой, всматриваясь в ее темную глубину. А из глубины, опасливо разглядывали ее призрачный силуэт далекие любопытные глаза...».

Учитель Арчер закрыл книгу и положил ее на колени. Ученики молча обдумывали прочитанную историю, представляя спокойную водную гладь и бесшумное порхание стрекоз над темной водой. Бен думал об огромных мутных глазах личинок, смотрящих из глубины.

– Давайте поговорим, о чем эта история, что в ней скрыто. Вы уже достаточно большие, чтобы понимать, что в каждой сказке есть правдивая часть, о которой рассказчик и хочет вам рассказать, приукрашивая историю красивыми деталями.

Ру аккуратно перегнулся через парту и громко шепнул Бену прямо в ухо, почти гаркнул:

– Хороший новости! Я, кажется, понял, что на том рисунке. Это потрясающе, Бен!

– А до конца урока подождать не может, – поинтересовался Бен, не сводя глаз с учителя.

Ру пожал плечами и сунул Бену свой блокнот, который Бен одним рывком спрятал подальше от чужих глаз под парту. Такая суеда не могла не вызвать подозрений Грача.

– Вот вы, господин Кимберли, что поняли из этой истории?

В отличие от Бена, Ру недолюбливал уроки чтения и сердито морщил нос, пытаясь представить, какой подтекст есть в странных крылатых жуках.

– Ну, не надо лезть, куда не следует, – заключил Ру, – жил бы в болоте, был бы счастлив.

Арчер раздраженно сорвал с носа очки.

– Вас бы это устроило, не так ли, господин Кимберли? Давайте послушаем, кого-нибудь еще. Господин Ганн?

Эд поднялся, поддев Ру кривой усмешкой.

– Это рассказ об усердии, господин Арчер. Смысл таков: ты ползаешь очень долго как личинка на дне пруда, пока не поверишь в лучшее и не начнешь порхать. А это долгий и добросовестный труд. Вот как наша семья к примеру...

– Благодарю Вас, достаточно господин Ганн, – прервал учитель, – да, конечно, вы правы. Сказка об этом, об усердии.

Он как-то грустно оглядел безмолвный класс и заметил руку Бена.

– Да, господин Китс.

– Скажите, а кто такие ангелы?

Сзади слышался сдавленный смешок. Бен подумал, что это Кристи, но это был Ганн младший. Тощий мальчик в черном свитере ехидно хихикал.

Арчер снисходительно улыбнулся.

– Господин Китс, мне очень жаль, что вы отсутствовали на нашем последнем уроке по чтению. Но я повторю, специально для вас. Ангелы, по верованиям некоторых семей, это те, кем мы становимся после смерти, как и ангелы после своей смерти становятся нами. Это замкнутый круг мироздания, Бен. Озеро испаряется в небо и возвращается к нам дождем, солнце катится по небу от востока к западу, и мы умираем и становимся ангелами. Ангелы живут и любят звезду, пока не умрут и не станут нами. Закон мироздания – круг.

Кристи подняла руку.

– А где же живут ангелы, господин Арчер?

Арчер присел на край стола и кивнул на карту мира.

– Наш мир плоский, госпожа Линквуд, диаметром чуть более тридцати километров. Мы никогда не подходим к краю мира и, тем более, не знаем, что на его обратной стороне. Многие из нас считают, что там и живут ангелы. Прямо под нашими ногами.

Арчер вдруг засмеялся и швырнул очки на стол.

– Но это всего лишь глупое верование пары – тройки семей, дети. Не думаю, что ангелы существуют в реальной жизни. Это всего лишь...?

– Сказка, – сказал детский хор и Арчер удовлетворенно кивнул, а теперь, дети, десять минут отдыха и перейдем к землеведению.

Бен аккуратно раскрыл блокнот Руперта, предусмотрительно вложенный в учебник.

Рисунок со множеством нанизанных на тонкую линию колечек был тщательно перекопирован в блокнот. Ниже аккуратным почерком (у Ру был на удивление аккуратный почерк, если дело касалось записей, которые ему интересны) было написано: «модель чего-то».

– И это все?! Модель чего-то?! – шепнул Бен, возвращая тетрадь.

– Ага. Здорово, правда?

На последнем уроке господин Арчер велел написать странное сочинение на тему «что бы я взял с собой, если бы пришлось срочно покинуть ферму». Бен задумался о коллекции камней, но пожертвовал ей в итоге, заменив на теплый плащ. Ру дважды переспросил, как пишется «большой кисет для гласов».

* * *

Поход в восточную рощу с группой старших, в который его взял отец в прошедшие выходные, сделал на время Бена героем среди других мальчишек класса, кроме братьев Ганн, сохраняющих по этому поводу сердитое молчание. Весть о том, что Бен сам отбил от дикой собаки, облетела школу, едва Ру вошел в класс. При этом с каждым уроком история обрастала все новыми подробностями и интересными фактами.

– Правда, что она откусила тебе руку? – восхищенно спросил Эмиль Ламбер с фермы Ламбер. Ему было девять, но он уже ходил во второй класс с старшей сестрой.

– Правда, – сказал Бен и спрятал кисть в рукав, поднял руку.

Эмиль восхитился еще больше и торопливо удалился к своим.

– Вот этого мне еще не хватало, – сказал Бен. Такое внимание к его персоне, вопреки ожиданиям, начинало раздражать.

– Не бери в голову, Бен, – сказал Ру умную фразу и неловко похлопал его по плечу, – Эмиль конечно загнул, но вот пара ребят не прочь взглянуть на ожог. Я обещал устроить.

– Нет, – отрезал Бен.

– Да ладно тебе, за два гласа.

– Нет!

Ру горько вздохнул.

– Ладно, надеюсь ты передумаешь, пока он не зажил.

Арчер едва закрыл дверь, как Ру выложил перед Беном три цветных стеклышка. Одно из них, зеленое, Бен даже узнал.

– Сегодня игра, Бен, идешь со мной? А по пути расскажешь во всех подробностях как там, в восточной роще. Ходят слухи, что вы могли и не вернуться.

Бен кивнул. Но по какой – то причине, рассказывать о походе ему не хотелось. Хотя весь город гудел новостью, что по реке в результате похода было сплавлено целых девять стволов, вместо ожидаемых четырех.

Игра была на новом месте. Разведчики донесли, что про старое место игр за городским амбаром взрослые прознали, и даже стали следить, потому сегодня играли прямо за школой, не опасаясь господина Арчера, который по делам был вызван в Совет.

В тот день за школой собрались сильнейшие игроки ферм, и даже тот парень в шортах. Не было только Курта Линквуда по понятным причинам. Зато были оба брата Ганн. У старшего Ллойда горло все еще было обмотано шарфом. Арбитром был младший сын Корвинов.

С мешочком, на четверть заполненным разноцветными гласами, Ру чувствовал себя богачом. Он, не думая, сразу поставил на кон два очень дорогих гласа, выигранных не так давно на празднике Линквудов и снискал жгучую зависть и восхищение.

– Играем в короткую, поле три четверти, – объявил арбитр, выставя руку для ставок.

– Ру, где разжился стеклом?

– Не ваше бедняцкое дело, играйте.

– Ну, это ненадолго.

Но Ру, как ни странно, снял кон вдвое больший, чем ставка, удалив из игры одного, совсем уж бедного на стекло, мальчика. Глядя на несчастное чумазое лицо, Бен хотел его подбодрить, но понятия не имел, какие слова положено в таких случаях говорить у игроков.

Ру играл профессионально. Было похоже, что визит к Линквудам пошел ему на пользу. Проиграв три не слишком хороших гляса, Ру приобрел почти десяток идеальных цветных стеклышек, которыми не стыдно было блеснуть на игре. Еще двое пунцовых от злости игроков заняли свое место возле не играющего Бена.

– Жулишь, Ру!

– Иди, играй с котятками.

– Ставка по три. Поле полное. Играем длинно, – объявил арбитр, – Начинаю я.

– Отлично, меняем поле. Ру, тебе сегодня везет, сидишь напротив солнца.

Игра продолжалась недолго, пока в игру не вступили Ганн. Ллойд оказался плохим игроком, Эду везло больше, и он продержался целых двадцать минут, после чего распрощался со стеклянным капиталом семьи Ганн. Кисет Ру раздулся и почти не завязывался, он был вне себя от счастья и даже был не против проиграть пару стекляшек в знак благотворительности. Но все вышло несколько иначе. Ллойд приподнялся и дернул шнурок на шее Ру, так, что несколько глясов упали на землю.

– Не честно играешь, Кимберли!

– Честно, Ганн, отдай моё!

– Попроси.

По лицу Ллойда расплзлась неприятная улыбка. Игроки мгновенно оставили поле, а чумазый мальчик спрятался за Бена.

– Кимберли, скажи: «Бен – ездовой осел» и можешь убираться со своими стекляшками. Я тебе еще и сверху дам парочку.

За широкой спиной Ллойда противно рассмеялся Эд.

– Ну же, Руперт, давай!

Ллойд тряс его за шею и глясы рассыпались по земле. Бен только сейчас увидел, какой Ру маленький, тощий в большой коричневой рубашке не по размеру. В его глазах был невнятный испуг отчасти перед Ллойдом, а частично за честный выигрыш.

– Говори!

Ру попытался подняться на ноги, но не смог, Ллойд крепко держал его за шнурок на шее. Он умоляюще взглянул на Бена и сжал губы. Бен улыбнулся. Он поднял с земли из-под носа Ллойда пару глясов и вручил их чумазому пареньку, тотчас просиявшему. Эд раскрыл рот, чтобы что-то сказать, но почему-то передумал.

– Ну вот, я ездовой осел, – сказал Бен громко, – теперь отпусти его.

– Нет, пусть сам скажет.

Ру замотал головой, но на глаза его навернулись слезы.

Бен снова поднял с земли несколько стекляшек и протянул их на тыльной стороне ладони.

– А может, сыграем, Ллойд? По-честному. Да не бойся, я плохо играю.

Ллойд встал и повернул к нему крупное лицо с вздернутой от злости верхней губой.

– Да пошел ты, Китс! – и ударил Бена по руке. Глясы сверкнули в воздухе, но Бену это и нужно было. Он, не жалея сил и шеи со всего размаху впился головой в рыхлый живот Ллойда и дернув Ру за руку, увлек его за собой. Пробегая, он задел плечом Эда и тот кубарем откатился к стене, от неожиданности пискнув. Ллойд осыпал ругательствами землю под своими ногами, но преследовать их не мог.

Ру и Бен выбежали на дорогу, обогнув здание школы. Они бросились на юг, скрываясь за редкими деревьями, взбежали на высокий пригорок. Там за низким зданием поста они смогли отдышаться, держась за животы. Бен вдруг рассмеялся и похлопал Ру по спине.

– А ты молодец, Ру, бежал впереди меня.

– Я... я не... не сказал. Б... Бен, – заикался Ру, тяжело дыша.

– Да не важно. Главное, что теперь нас ожидает игра в прятки лет пять, пока этот тугодум не подрастет.

– Ничего, я подожду, – улыбнулся Ру.

Они сели на пригорок. Отсюда было видно огромный пустырь, почти до самых южных гор и дымящие трубы мануфактур. Где-то там было и озеро, безжизненное, которое фабрики использовали для своих нужд. Там ткацкие мастерские, кузницы, плавильные цеха и прочие производства, заключенные в девять низеньких кирпичных коробочек, производили необходимые фермам одежду, металлические и глиняные вещи в обмен на продукты и чистую воду. До мануфактур было очень далеко, и их работа казалась бесшумной, а высокие трубы величественно тянулись в небо.

– Спасибо, – сказал Ру.

– Не за что, – ответил Бен.

Бен вдруг вспомнил о тетради и засмеялся:

– Серьезно, модель чего-то?!

– Ну, это предположение. Я заметил, что Грач чертит именно так, схематично, когда объясняет устройство любого механизма. Карты он, например, чертит куда аккуратнее. А значит это модель, возможно, механизма, но, скорее всего, чего-то из оптики. Видишь, эти колечки похожи на линзы.

– Да, очень похоже, – согласился Бен и вернул тетрадь.

– Бен! Мне нужно покопаться в бумагах Грача!

– Я не буду просить рыжую Лизу!

– Совести у тебя нет, Бен, – сказал Ру с печальной интонацией своей матери, – я на пороге большого открытия!

– И ремня от мамы.

– Не могу с вами не согласиться, дорогой друг, – вздохнул Ру и улыбнулся.

Они долго сидели, глядя на дымящие трубы, затем Ру сказал:

– А знаешь, есть один секрет, но обещаю, что никому не скажешь.

Бен выразительно посмотрел на Ру, как бы намекая, что тот все равно проболтается.

– Ладно, смотри! – Ру полез в карман. Бен готовился увидеть какой-нибудь новый, хорошо выточенный, глянц, а может и не один, но Ру достал нечто иное. Это был блестящий металлический предмет, плоский и круглый. На его полированной поверхности играло бликами солнце. Но больше всего поражала искусная резьба. Бен сразу понял, что это бронза. На желтоватой поверхности явно выделялся рисунок – островок в середине реки и восходящее солнце, две птицы в чистом небе и буквы «R» и «C».

Ру, словно показывая фокус, нажал где-то на торце круга, и верхняя крышка открылась, представив взгляду потрясающую картину.

Это были часы, но часы очень маленькие и выполненные настолько искусно, что ими можно было любоваться сколько угодно долго. По бирюзовому циферблату ползли две маленькие стрелки, а сверху маленький бронзовый кружок, означающий солнце, медленно двигался от цифры 9 к цифре 3. Сами цифры были искусно вырезаны, а верхняя была заменена на маленькое цветное стеклышко и означала полдень.

У Бена перехватило дыхание, и он аккуратно взял игрушку из пальцев Ру. Механизм тихо стучал в его руках, словно был живой.

– Что это? – спросил он, не сводя глаз с миниатюрного циферблата.

– Часы, – гордо сказал Ру.

Представления о часах у Бена были несколько иные. Часы – это нечто тяжелое и дорогое, стоящее на полу в гостиной в каждом доме, за исключением поместья Линквудов, где

часов трое. Часы привозили с мануфактур на повозке, грузчики устанавливали их в доме по просьбе хозяина и капризам хозяйки, а инженер отлаживал их ход и устанавливал время. Никто не носил часы с собой.

Бен не мог выпустить маленький механизм из рук, разглядывая его безупречное исполнение. Ру протянул руку, и Бен нехотя вернул их.

– А буквы...

– Ричард Кимберли. Это штучка Рика. Я стянул на время, пока он не видел. Потрясающе, правда?

– Да, – согласился Бен, – но где он их взял?

Ру подсел ближе и заговорщически зашептал, предварительно осмотревшись по сторонам.

– Ты помнишь Нэда Хоффмана?

Бен помнил. Нэд был старшим сыном семьи Хоффман и учился в старшем классе, готовясь в следующем году пойти на Мануфактуры. Его сестре Нэнси когда-то очень нравился Ру, но Бен решил этого не упоминать.

– Прошлогодний чемпион по стриту, – сказал Бен.

– Честный чемпион, заметь. Ну в общем... Это он их делает?

– То есть как?

Кроме везения в игре и средних оценок по учебе, Нэд не выделялся никакими особыми талантами. И уж совершенно невозможно было представить, что он был способен сотворить такую красоту.

– Собирает в подвале. Говорит всем, что готовится к экзамену на мастера мануфактурщика второго разряда, а сам собирает часы. Ну и продает, конечно. Ему самому – то столько не нужно.

– Продает? В самом деле? И сколько же...

– Много, – с грустью в голосе сказал Ру.

Они обсудили еще недавние события, поход Бена в восточный лес, ночные нападения на скот и на людей, но до конца дня Бена не отпускала мысль о часах. Когда они встретились на следующее утро в школе, Бен категорично заявил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.